

Жнец

Автор:

Александра Лисина

Артур Рэйш. Жнец

Александра Лисина

Артур Рэйш #3

Столица Алтории велика и многолюдна. В ней странным образом уживаются простые смертные и могущественные маги, почти святые и отъявленные мерзавцы. Но если днем она выглядит мирно и благополучно, то по ночам в Алтире оживают самые страшные кошмары. Пробудившиеся от спячки древние алтари, выползающие из глубоких нор чудовища, загадочные убийства, похищения... над столицей неумолимо сгущаются тучи. А в центре зарождающейся бури совсем не случайно оказывается маг Смерти – Артур Рэйш.

Александра Лисина

Артур Рэйш. Жнец

Жнец

Пролог

– Вот и закончилась полка, – вздохнул я, втискивая ветхий том на последнее свободное место на стеллаже. – Осталось перетащить сюда еще пару сотен книг из схрона, и шкафы снова станут полными.

Сидящая на потолке Мелочь досадливо щелкнула костяшками, а я растер уставшее лицо и вышел из второго кабинета, прямо на ходу пройдя сквозь границу миров.

Еще четыре дня пролетели впустую. Еще полтора десятка книг, в которых я не обнаружил ни единого указания на разгадку имен из списка. В архив главного сысканого Управления мне попасть больше не удалось – после истории с умруном Корн обозлился и аннулировал мой пропуск, так что пришлось вернуться в схрон и заняться библиотекой учителя вплотную. Но похоже, мастер Этор перемудрил, когда пытался спрятать свою тайну. А может, это я дурак, раз за столько времени не сумел ничего выяснить?

– Ужин, мастер Рэйш? – предложил Нортидж, стоило мне вернуться в обычный мир.

Я бросил взгляд за окно, где царили глухие сумерки.

– Да, пожалуй.

– Сейчас все будет, – поклонился дворецкий и, неодобрительно покосившись на выбравшуюся из кабинета куклу, испарился.

Мои слуги и сейчас сторонились Мелочи, особенно после того, как выяснилось, что она считает своим долгом меня охранять. Однако, прежде чем впустить это существо в дом, я провел соответствующий ритуал, и теперь Мелочь стала не только намертво привязанным к перстню духом-служителем, но и утратила способность противиться моим приказам.

Собственно, сейчас она зависела от меня целиком и полностью. Более того, могла жить лишь до тех пор, пока билось мое сердце. С моей смертью маленькое чудовище должно было погибнуть, так что волей-неволей Мелочи пришлось бы заботиться о моем благополучии, даже в том случае, если я ошибся насчет ее происхождения или неправильно определил навязанные ей функции.

А сомнения на этот счет имелись. Правда, ни подтвердить их, ни опровергнуть я пока не мог, а Мелочь оказалась не в состоянии внятно ответить на мои вопросы.

Я покосился на замершую на подоконнике куклу – с тех пор, как она здесь появилась, в доме стало беспокойно. Всего за несколько дней Мелочь успела до печенок надоесть дворецкому, напугала горничных, всполошила собак и всерьез поцапалась с кухаркой.

За мной она таскалась по пятам даже в хорошо защищенном доме. Кабинет, спальня, столовая... Мелочь умудрялась пролезть абсолютно везде и всюду, каким-то образом протискиваясь сквозь защитные заклинания. Не говоря уж о том, что с того момента, как я провел ее сквозь внешний щит, кукла получила возможность ходить туда-сюда в любое время дня и ночи.

Трупы под окна она, к счастью, подбрасывать перестала. Зато неожиданно выяснилось, что у Мелочи есть любимое место: она могла часами стоять на подоконнике в моем кабинете и таращиться в окно, время от времени забавно наклоняя голову и издавая щелкающие, а иногда воркующие звуки. Зачем она это делала, я поначалу не понимал, но однажды заметил, что кукла украдкой поправляет спутанные «волосы» на макушке. И после этого всерьез заподозрил, что она не просто изучает ландшафт за окном, а банально любит отражением.

– Хозяин, ужин готов, – торжественно возвестил материализовавшийся посреди кабинета Нортидж.

Я рассеянно кивнул. А Мелочь с довольным цоканьем развернулась, ловко перепрыгнула с подоконника на стол и выразительно на меня уставилась. Типа, ну что, пойдем?

Естественно, ей понравилась наша кухня – там находилось много предметов, которые даже на темной стороне давали нормальное отражение. Серебряные подносы, начищенные до блеска чайники, кастрюли, ножи... в отсутствие зеркал для Мелочи это была единственная возможность на себя полюбоваться. Но, поскольку Марта ее на дух не переносила и в первую же ночь устроила знатный тарарам в попытке выгнать из своих владений проворную тварь, пришлось Мелочи запретить там появляться без согласия кухарки. И она послушно не появлялась. Только огорченно вздыхала всякий раз, когда я проходил мимо

заветных дверей.

– Ну, идем, – хмыкнул я и протянул Мелочи руку. После чего кукла быстрее молнии шмыгнула на плечо и негромко выдохнула:

– Хысь!

– Не «хысь», а «хозяин», – наставительно заметил Нортидж, когда я направился к выходу. – На худой конец «мастер Рэйш». Когда ты нормально разговаривать научишься?

Мелочь тут же насупилась. А когда призрак растаял в воздухе, приглушенно фыркнула, спрятала морду у меня на шее и принялась негромко бормотать:

– Хы-ы-сь... хысь... хы-хы-ысь...

Увы. Человеческая речь ей упорно не давалась, хотя я видел, с какой настойчивостью кукла прислушивалась к разговорам, шевелила губами и упорно пыталась повторять за нами слова. Но по непонятным причинам зубастый рот издавал в основном шипящие или рычащие звуки. И они, если честно, порядком раздражали. Особенно когда Мелочь начинала повторять их, как заведенная.

– Х-хысь... хысь-хысь... – продолжала давиться труднопроизносимым словом кукла.

– Артур, – наконец сжалился я, и Мелочь удивленно замерла. – Меня зовут Артур. Можно Арт.

– Аш-ш? – недоверчиво переспросила она. – Ар-р-рш-ш?

– Арт.

– Арс-с-с, – с явным трудом прошипела кукла. Затем подумала и, высунув раздвоенный язык, очень старательно повторила: – Артс-с!

Я кивнул:

– Можно и так.

Только тогда Мелочь облегченно вздохнула и наконец-то умолкла, а я зашел в услужливо открытые дворецким двери, увидел неловко мнущуюся у стола кухарку и понял, что точно сегодня обожрись. Потому что не попробовать все то, что она так старательно приготовила, было бы настоящим преступлением.

Глава 1

– Жди здесь, – велел я, остановившись следующим утром возле храма, и подставил ладонь, куда Мелочь с готовностью прыгнула. – Боги не любят, когда тревожат их покой, а ты все еще больше похожа на нежить, чем на нормального служителя. И проверять реакцию жрецов на твое появление я не собираюсь.

Кукла понятливо щелкнула костяшками, а затем покосилась на стоящие поодаль дома.

– Можешь поохотиться, – разрешил я. – Только живых не трогай и магам на глаза не попадайся.

– Ысь! – вытянулась во фронт Мелочь и внезапно растаяла прямо у меня на глазах.

Каким образом она это делала, я, хоть убейте, не понимал. Даже сейчас я по-прежнему ощущал прикосновение к ладони, знал, что кукла никуда оттуда не делась. Мог сколько угодно теревить поводок, который подтверждал, что Мелочь находится совсем рядом, но линзы упорно показывали, что моя рука пуста. Более того, при попытке коснуться мелкого чудовища пальцы упорно проходили его насквозь. Будто им мешало что-то. Отклоняло мою руку, как невидимый щит. И до тех пор, пока кукла была накрыта этим странным щитом, я не мог ее ни увидеть, ни прикоснуться, несмотря на все свои магические умения.

Но вот наконец Мелочь шевельнулась, и над ладонью, словно марево в пустыне, задрожало потревоженное пространство. Под ним проступил смутно угадывающийся силуэт. В следующее мгновение я ощутил слабый толчок, и рука

действительно опустела. А вскоре перстень просигналил, что кукла находится далеко от меня. В одном из домов, что окружали главную площадь Алтира со всех сторон.

– Это хорошо, что помимо троп ты еще и невидимостью пользоваться умеешь, – пробормотал я. – Раз умеешь ты, значит, смогу и я. Осталось понять, как ты это делаешь.

Все еще размышляя на тему нового питомца, я так и вошел в храм – по темной стороне. И совсем не удивился, обнаружив неподалеку от статуи Фола загадочно улыбающегося настоятеля – отец Гон, похоже, всегда знал, кто и когда надумает навестить его обитель. Или же у него были очень хорошие осведомители.

– Ты прочитал книгу? – спросил он, как только я приблизился. Причем спросил так, словно мы расстались пару свечей назад и продолжали разговор, который не закончили в прошлый раз.

– Ну, для начала здравствуйте, святой отец, – усмехнулся я, протягивая ему увесистый томик. – Книгу, естественно, прочитал, иначе бы не явился. Но, как вы и обещали, у меня появились новые вопросы.

Жрец без всякого удивления кивнул и спрятал книгу за пазуху.

– Пойдем. Я готов уделить тебе время.

Очень хорошо. Правильно я явился сюда с рассветом. В это время прихожан в храме немного, да и темные жрецы предпочитают творить обряды не по утрам, как служители Рода, а ближе к ночи, когда Фол входит в полную силу.

– Садись, – сказал отец Гон, приведя меня в ту же келью, где мы беседовали больше двух недель назад. – Должен признать, я ждал тебя немного раньше.

Я пожал плечами. Раньше не получилось – появление Мелочи заставило меня изменить планы. Но как только с ней все утряслось, я вспомнил о жреце и зашел прояснить кое-какие детали.

– Спрашивай, – понимающе улыбнулся отец Гон, когда я уселся за каменный стол. – В ближайшие пару свечей нас никто не потревожит.

– Скажите, святой отец, в чем заключалась истинная причина низвержения темных богов в Лотэйне?

– Кхм, – удивленно кашлянул жрец. – Мне казалось, в книге есть ответ на этот вопрос.

– Там говорится, что это произошло по вине одного из жрецов, – терпеливо пояснил я. – Якобы он сделал что-то, что нарушило правила сосуществования между богами, в результате чего темные боги сперва утратили прежние позиции, а затем и вовсе были изгнаны.

– Я точно не знаю, кто это был...

– Меня интересует не это, святой отец. Мы оба с вами понимаем, что уничтожить целый культ не так просто. Также мы знаем, что боги... и темные, и светлые... предпочитают действовать чужими руками. Поэтому то, что ваша книга называет «уничтожением темного пантеона», в действительности было войной, которая привела к истреблению сперва темных магов, затем темных жрецов и, наконец, обычных верующих, которых на протяжении нескольких лет резали по всему Лотэйну, как у нас когда-то некросов. Но в Алтории в те времена некросов насчитывалось относительно немного. И с ними было не так сложно справиться. Тогда как темный пантеон в Лотэйне занимал лидирующие позиции много веков. В те времена темные храмы и святилища имелись в каждой деревне. Верующих было море, а каста жрецов стояла лишь на одну ступеньку ниже королей. Одним щелчком пальцев от них было не избавиться – для этого требовались усилия сотен тысяч людей, причем правильно настроенных, вооруженных и свято верящих в свою правоту. Но если тех, кто верил в темных богов, было гораздо больше, чем почитателей Рода, то как могло получиться, что против темных богов восстали не только светлые жрецы, но и вся страна? И как вышло, что эту войну жрецы Фола все-таки проиграли?

У отца Гона изменилось лицо.

– Это сложный вопрос, Рэйш, – тихо сказал он, опустив глаза. – Потому что в действительности это была не одна война, а три. И первая случилась задолго до

того, как в Алтории услышали про наш пантеон.

– То есть автор книги соврал?

– Скорее, умолчал о некоторых деталях.

– Мне хотелось бы о них услышать, святой отец, – спокойно сказал я, изучая неподвижное лицо настоятеля. – Вы же не просто так дали мне эту книгу? Я ее прочел. И теперь хочу разобраться.

Отец Гон поднял взгляд и некоторое время пристально на меня смотрел, словно на моем лбу появилась еще одна метка, кроме той, что оставила леди Смерть. Но вскоре его лицо расслабилось, напряженные плечи опустились, а затем жрец задумчиво обронил:

– Ты удивил меня во второй раз, брат. Но, как я уже сказал, детали мне неизвестны. За полторы тысячи лет, прошедшие с момента первой войны между темными и светлыми жрецами, многое было утрачено. И теперь достоверно о тех временах могут поведать лишь боги.

– Мне можно покороче и попроще, святой отец, – холодно улыбнулся я. – Так сказать, основные вехи, начиная с первопричины.

– Причиной первой войны стал действительно человек, – вздохнул служитель Фола. – В книге говорится, что это был один из жрецов, но, к сожалению, древний текст, дошедший до нас в единственном экземпляре, да еще дефекты перевода... знаешь, как оно бывает? Достаточно один раз написать слово неправильно, и дальше ошибка прокрадется во все копии, породив ложные домыслы и спрятав правду под толстым слоем очень правдоподобной лжи.

Я насторожился.

– То есть это был не жрец?

– Увы, – качнул головой святой отец. – Источником всех наших бед стал самый обычный маг.

– Темный? – еще более настороженно уточнил я.

– Боюсь, что так. Хотя в то время маги были другими. Тогда их никто не разделял на некросов и магов Смерти. Собственно, их и темными-то еще не называли – это случилось гораздо позже. А если бы и назвали, то вовсе не из-за приверженности к тем или иным богам – чаще всего эти люди даже не были верующими. Но при этом они служили. И думаю, ты уже догадываешься кому.

Я внутренне подобрался.

– Вы сейчас говорите о жнецах?

– Всего одна буква, Рэйш, – невесело усмехнулся отец Гон. – Жрец... жнец... невелика вроде бы разница, зато как сразу меняется смысл, правда? А если не знать, что в те времена темными магами не рождались, а становились исключительно с благословения Фола...

Я помрачнел.

– Хотите сказать, это была его ошибка? Или у кого-то из магов после посвящения снесло башню?

– Я не знаю, по каким критериям Фол отбирал себе жнецов, – покачал головой настоятель. – Говорят, боги редко ошибаются, но порой и одной оплошности достаточно, чтобы обречь на гибель весь пантеон. Благодаря Фолу помеченные им маги стали невероятно могущественными. По силе они стояли даже выше жрецов. А когда у простого человека появляется возможность жить вечно, от соблазна трудно удержаться.

– Для того чтобы обрести бессмертие, надо навсегда остаться на темной стороне, – возразил я. – А на это не каждый согласится.

– Поверь, найдутся желающие. Тьма сильна, брат. Но человеческий разум устроен таким образом, что из всех бед и страстей он тяжелее всего справляется не с болью или страхом, а, как ни странно, с одиночеством. Сильный духом не нуждается в компании – он самодостаточен сам по себе. Однако для тех, кто хотя бы раз дал слабину, одиночество – смертельный яд. Оно отравляет

сознание. Сперва медленно и почти незаметно. Затем все больше, вынуждая искать спасение от царящей вокруг мертвой тишины. Прислушиваться к голосам... а ты не хуже меня знаешь, как быстро может свести с ума шепот темной стороны. Знаешь, отчего Тьма так покровительствует безумцам. И можешь себе представить, что произойдет, если в ее недрах решит обосноваться... пусть всего один, но долгоживущий и очень могущественный маг.

Я поежился.

– Хотите сказать, полторы тысячи лет назад произошло именно это? Кто-то из темных ушел во Тьму насовсем и с годами окончательно там сбрендил?

– Я могу лишь догадываться, Рэйш. Но Фол не опроверг мою догадку, когда я задал ему этот вопрос. И не пожелал ответить, по какой причине он не остановил то, что тогда произошло.

– Чего же тот маг хотел добиться? Он ведь чего-то хотел, когда уходил во Тьму, правда? – предположил я после недолгого молчания.

– Думаю, ты со мной согласишься, что темная сторона всем хороша, за исключением того, что в ней слегка... пустовато, – кашлянул святой отец. – И я предполагаю, что тот, кто решит уйти туда насовсем, рано или поздно захочет сделать это место чуточку более привычным для себя. Или, говоря другими словами, более живым.

И вот тогда я вздрогнул.

Фол! Но ведь темная сторона не терпит живых. В ней никто из простых смертных не сумеет остаться надолго. Она или вытолкнет чужака обратно, или, что более вероятно, сожрет! А оживить ее можно лишь одним способом – стереть границу между мирами. И если все было так, как я думаю, то получается, что тот маг полторы тысячи лет назад возжелал создать...

– Врата?!

– Ты уже видел, что это такое, – сумрачно кивнул жрец. – И можешь представить реакцию Ордена, когда в один из дней границы реальности были нарушены. Когда это случилось, прорыв, если верить летописям, закрывали совместными усилиями. Светлые и темные, маги и жрецы... благодаря этому катастрофы удалось избежать, но позиции темных богов существенно пошатнулись. Среди верующих пошло волнение, а Фолу и вовсе пришлось отказаться от жнецов. Это были страшные времена, Рэйш, – тихо признался отец Гон. – Темные маги, пока закрывали один-единственный прорыв, в большинстве своем погибли, ибо только они были свободно вхожи на темную сторону. И они же приняли на себя основной удар. Вторым заслоном от Тьмы были мы, жрецы, став для братьев по духу источником силы. И лишь в последнюю очередь нам помогали светлые. Разумеется, после того, как врата закрыли, волнения в Ордене продолжались еще долго. Но поскольку простых верующих это практически не коснулось и им никто не пояснял причин, по которым вдруг стали разбирать древние святилища, то темный пантеон все-таки устоял. И какое-то время в Лотэйне было тихо...

– Пока история не повторилась?

Святой отец снова вздохнул.

– С тех пор в мире больше не появлялись новые жнецы – Фол сдержал свое обещание. Магический дар у выживших жрецы надежно заблокировали. А тех, кто не пожелал подчиниться, попросту уничтожили. Фол после этого надолго отстранился от верующих. Его алтари замолчали. Темные рода оскудели и в конце концов угасли. За ними тщательно следили, а ритуалы в храмах проводились лишь в присутствии наблюдателей от Ордена. Но божественный след, оставленный в человеческом теле, рано или поздно все равно проявится. Поэтому через некоторое время у потомков тех жнецов, кто выжил во время ликвидации врат, стали рождаться одаренные дети. И они, как ты догадываешься, несли в себе то, чего у обычных магов раньше не было.

– Они сохранили способность переходить на темную сторону? – удивился я.

– Не так, как благословленные лично Фолом, но да. И Орден считал это умение полезным, ведь угроза темной стороны никуда не делась, а мы оказались не в состоянии сдерживать ее в одиночестве.

Я нахмурился.

– Значит ли это, что разделение на некросов и магов Смерти началось еще тогда?

– Скорее всего, – подтвердил отец Гон. – Только поначалу оно было не намеренным. Просто у кого-то из так называемых темных магов лучше получалось ходить в потустороннее, а кто-то предпочел работать с другими сторонами своего дара. К тому же с годами выяснилось, что вы обладаете талантами, которые были недоступны даже жнецам...

«Скорее, не нужны», – подумал я. Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

– Именно их стало принято называть темным даром, – тем временем продолжил настоятель. – Все ваши знаки, заклинания, которые оказались действенными как для реального мира, так и для темной стороны... Орден посчитал, что угрозы в себе они не несут, поэтому вскоре в Лотэйне появились школы для темных магов. Вас продолжили обучать, но уже по другой методике. О жнецах больше никто не вспоминал. Ваш дар находился под контролем. Утерянное равновесие таким образом восстановилось, и оба божественных пантеона вновь стали сосуществовать на равных.

Я недоверчиво прищурился:

– Значит, изначально все темные маги были жнецами?

Настоятель кивнул:

– Да, брат.

– Но если их не стало, а Орден нашел менее опасную замену и в конце концов все стало хорошо, то почему случилась вторая война?

– Около трехсот с небольшим лет назад появились сведения, что темные жрецы начали возрождать запрещенные ритуалы. Это не было санкционировано Орденom, – быстро добавил отец Гон, когда я одарил его подозрительным взглядом. – Обряды проводились отдельными энтузиастами. Втайне. Над

темными магами, число которых к тому времени существенно возросло. Но, поскольку многое за эти годы было утрачено, да и сама ваша магия изменилась, то старые ритуалы утратили смысл. И стали приводить не к укреплению связи человека с богом, а к бездумному и подчас опасному усилению темного дара.

– Что же тогда Фол не вмешался, если обряд так безбожно исковеркали?

– За отступниками вскоре началась охота, – спокойно добавил жрец. – Появления новых врат нельзя было допустить, как и того, чтобы по земле свободно разгуливали чудовищной силы маги, неподконтрольные никому и ничему. Если верить нашим записям, именно темная часть Ордена первой выступила против появления псевдо-жнецов, но в итоге из этого не вышло ничего хорошего. Война – это всегда война. И она страшна вдвойне, когда врагами становятся братья по вере.

Я задумчиво посмотрел на отца-настоятеля.

– Выходит, вы сами сократили число темных жрецов, магов и последователей своих богов?

– Это было неизбежно.

– А как же светлые?

– Поначалу играли роль сдерживающей силы. Пытались предупредить кровопролитие, и лишь благодаря им мы сумели сохранить некое подобие порядка. Но люди всегда остаются людьми, даже если находятся у власти. И когда появляется соблазн расправиться с давними недругами, немногие устоят перед искушением.

– Иными словами, светлые в какой-то момент решили вас добить?

У отца Гона закаменело лицо.

– Это черные страницы в истории нашего Ордена, Рэйш. Но раскол произошел не только среди темных братьев. Многие светлые были против нашего уничтожения. Причем против настолько, что в Лотэйне едва не случился

переворот, и в конфликт оказались втянуты не только жрецы, но и король, армия и, конечно же, верующие. А спустя пару десятилетий наш Орден превратился в дымящиеся руины, на которых вновь избранное руководство попыталось выстроить что-то толковое.

– Насколько я понял, у них все же получилось нечто приемлемое, только оно больше не предусматривало наличия темных храмов, – заметил я.

– Да. Они решили не рисковать, поэтому для второго пантеона в Лотэйне не осталось места, а мои братья и те светлые, кто их поддержал, решили заблаговременно покинуть страну. Мы бежали из Лотэйна вместе, Рэйш. Более того, многие наши реликвии уцелели лишь благодаря светлым собратьям. Они прикрывали нас собой. Прятали наших детей, жен и даже выкраденные из храмов осколки алтарей. Они спасли нам жизнь. Верой своей. Бесстрашием. Мужеством. И уже здесь, в Алтории, мы решили сохранить это единство. Именно поэтому все наши храмы до сих пор являются общими. Поэтому мы чтим любых богов и ценим их помощь. Мы по-прежнему едины, Рэйш. Как раньше. И именно это доказывает, что мы выбрали правильную дорогу.

Я немного помолчал, переваривая услышанное.

– Вы говорили, что войн было три, святой отец...

– Третьей войной я считаю охоту на некросов, начатую Эрнестом Кровавым чуть более ста лет назад, – согласился жрец. – Тогда темные маги были прорежены в последний раз, после чего ветка некросов и магов Смерти окончательно разделилась.

– Мой учитель говорил, что это было сделано умышленно.

– Он сказал тебе правду. Есть мнение, что Эрнест Второй не сам придумал устроить резню, а ему эту идею очень грамотно подсказали.

– Кто? Светлые?

– Этой информацией я не владею. Но Лотэйн, как ты знаешь, до сих пор поддерживает отношения с Алторией. И я не думаю, что в те времена здесь

водилось меньше лотэйнских шпионов, чем сейчас. А уж о предубеждении короля по поводу магии только глухой не слышал.

Я задумчиво стукнул пальцами по столу.

– То есть его величество напрасно обвиняли в скудоумии? И в Алтории едва не началась гражданская война лишь потому, что кто-то сыграл на его страхах? Скажем, сообщил, за какие грехи темные маги были изгнаны из Лотэйна. Намекнул, что эксперименты, которые в то время проводили некросы, могут привести к нехорошим последствиям. И все. У короля внезапно помутился рассудок. Он наплевал на все проекты, плоды которых принесли стране столько побед. Испугался, что темная часть Ордена лишит его короны. И в итоге посчитал, что болезнь легче предупредить, чем лечить. А поскольку воевать против жрецов у него была кишка тонка, то весь его энтузиазм обрушился на магов. Естественно, на темных, из которых получилась отменная мишень. Нас в итоге стало еще меньше. А темное искусство превратилось в полезный для государства придаток, который подчас используется не по назначению.

Отец Гон наклонил голову.

– Не могу с тобой не согласиться. Последствия той резни Орден магов не может устранить до сих пор. Вас по-прежнему мало. И вы настолько разобщены, что в этом даже мне видится злой умысел.

– Вы тоже считаете, что разделение было не только умышленным, но и оправданным?

Под моим пристальным взглядом отец-настоятель улыбнулся.

– Если бы это было так, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Тогда почему я здесь? – напряженно спросил я. – И почему итогом моего посвящения стало то, что я, по вашим словам, превращаюсь в жнеца?

– Я не сказал, что ты жнец, – снова улыбнулся отец Гон. – Я сказал лишь, что ты похож на него. Но это совершенно не значит, что я должен тебя опасаться или бежать докладывать руководству, что наш мир вновь качается на грани

катастрофы.

– Откуда вы знаете, что это не так? – снова нахмурился я. – Может, отец Лотий – тот самый отступник, который провел ритуал посвящения неправильно? А я, может, законченный безумец, от действий которого равновесие вскоре снова нарушится?

Жрец тихо рассмеялся.

– Отец Лотий – мой старый друг и коллега, которого я уважаю и очень ценю. Поверь, Рэйш, проведенный над тобой ритуал – это не столько посвящение, сколько молитва. Брат Лотий искренне помолился за твою жизнь перед алтарем, и Фол в кои-то веки откликнулся. Ну а то, что вы заключили с ним сделку, было не его инициативой, а, если помнишь, твоей.

Я озадаченно моргнул.

Тьма... а ведь верно!

– Так что не переживай, брат Лотий не нарушил никаких законов, – доверительно сообщил отец-настоятель. – А отчитываться за действия бога он не должен. Но в письме отец Лотий просил за тобой присмотреть. А еще он предположил, что ты можешь быть полезен храму. И, как видишь, оказался прав.

– Простите, святой отец. Я все равно не понимаю... мне что, не надо больше скрывать свои возможности? – недоверчиво переспросил я.

Жрец вздохнул.

– Надо, брат мой. Хотя бы потому, что несведущие маги и наши светлые коллеги вполне могут принять тебя за жнеца. И тогда охота, о которой я говорил, возобновится. А я бы не хотел, чтобы ее целью стал ты. И тем более не хотел бы, чтобы кто-то начал возводить хулу на темное братство.

– Мне кажется, вы лукавите, святой отец, – немного помолчав, уронил я. – На вашем месте, узнав о моих способностях, я бы как минимум насторожился. А вы вместо этого даете информацию, как лучше использовать мой дар.

На губах отца Гона снова появилась улыбка.

– Когда ты научишься слышать божественный глас в мельком оброненной фразе, видеть его знамения в красоте заката и узнавать его волю в случайных на первый взгляд встречах... ты меня поймешь, Артур Рэйш. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я покосился на жреца с сомнением.

Нет уж, спасибо. В храм я уходить не планирую. Как не собираюсь принимать сан, брить голову налысо или творить запрещенные ритуалы.

– Грань между одаренностью и безумием порой так же тонка, как и граница между мирами, – словно не заметил моей заминки отец Гон. – Но ты эту границу пока не преступил. К тому же не так давно ты избавил Алтир от беды. Сохранил, а не уничтожил пресловутое равновесие. А таких вещей боги не забывают.

– А вы не думали, что это самое равновесие могло быть нарушено кем-то вроде меня? – задал я мучивший меня на протяжении целой недели вопрос.

– Имеешь в виду, не объявлялся ли в Алтире настоящий темный жнец? Нет, Рэйш, исключено, – качнул головой настоятель. – О них больше тысячи лет никто не слышал. Старых жнецов кого уничтожили, кто сам отказался от дара. А чтобы создать нового, теперь уже недостаточно одного благословения. Для этого требуется проведение сложного и весьма трудоемкого ритуала. Но даже если кто-то из жрецов вдруг сошел с ума и рискнул его начать, то отголоски все равно докатились бы до главного храма. А таких на моей памяти не было.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. И, предупреждая твой второй вопрос, сразу скажу – да, ты не единственный, кто за эти годы получил благословение Фола. Время от времени такие люди появляются в поле нашего зрения, и для мира это – большое благо. Одним из таких избранных был твой учитель – мастер Этор Рэйш. И его старинный друг и коллега – мастер Уоран Нииро. Но поскольку их обоих уже нет в живых, то я не удивился твоему появлению. И тем более не удивился, узнав, что последний потомок Рэйшей получил такое же благословение, какое сумел заслужить его знаменитый отец.

«Тьма над Тьмой дает свет, – машинально вспомнилась мне надпись на сундуке и такая же фраза в прощальном послании Нииро. – Значит, они оба были в курсе про жнецов. И имели причины умалчивать о своих способностях».

– Орден магов тоже об этом знает? – спросил я, напряженно размышляя над услышанным.

Отец Гон усмехнулся.

– Мы не считаем нужным докладывать ему, кому благоволит наш бог. А темное благословение просто оставляет следы в ауре, поэтому жрецы Фола всегда знают, кому и когда оно досталось. Хотя лично я на твоём месте задался бы сейчас не этим вопросом.

– А каким? – насторожился я.

– Почему, если любой темный маг несет в себе потенциальную угрозу, жреческий Орден не предпринимает усилий для вашего уничтожения? Почему, если темные неизменно притягивают к себе нежить, вы по-прежнему остаетесь ценны, в том числе и для храма? И почему, с таким тщанием сохранив летописи давно минувших дней, мы, служители Фола, не стремимся исправлять допущенную в исходном тексте ошибку?

Я замер.

А и правда?!

– Потому что мы лучше всех знаем, как опасна бывает оставленная без присмотра Тьма, – тихо сказал настоятель. – И знаем, что единственные люди, кто способен ее сдержать, это, как ни странно, вы, темные. Маги, способные преодолевать границу между мирами. Регулярно нарушающие ее, но при этом и оберегающие ее целостность. Вы одновременно и проклятие, и спасение для нашего мира. Самые опасные, но и самые нужные маги. Вы – стражи темной стороны. И только от вас зависит, насколько близко Тьма сумеет к нам подобраться.

Я от таких откровений чуть не поперхнулся.

– Иногда я думаю, что Фол был не так уж не прав, когда отказался от жнецов, – едва слышно уронил отец Гон через пару мгновений. – Тогда они были сильны, но их было так мало, что каждая потеря больно ударяла по границе. Теперь же магов много... да, слабых, порой вообще никчемных, зато гораздо более многочисленных. Владеющих другими знаниями и умениями... Но при этом нужные вам знания постепенно множатся. Ваши силы почти без потерь передаются из поколения в поколение. Граница между мирами по-прежнему хранится в неприкосновенности, а Фол, как и раньше, не сдает своих позиций.

– Полагаете, он сделал это специально?

Настоятель пожал плечами.

– Кто знает, какими категориями мыслят боги? В свое время могущества жнецов испугался даже наш Орден. А страх – очень мощное оружие, особенно в умелых руках. Именно благодаря ему темный пантеон в Лотэйне в конечном итоге был уничтожен. Но тебе, брат, я могу сказать одно – кем бы ты ни был, Фол не зря привел тебя именно сюда и именно сейчас. И если считать, что твоей первоочередной задачей является охрана границ нашего мира...

Я напрягся.

– По-вашему, надо ожидать создания еще одних врат?

Отец Гон посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

– Как бы не чего похуже. И в подобной ситуации я... честное слово, Рэйш... приму помощь хоть от жнеца, хоть от чистокровного демона. И пойду на любые жертвы, если это поможет уберечь наш мир от разрушения.

Глава 2

Выйдя из храма, я первым же делом коснулся перстня, проверяя надетый на Мелочь поводок, но кукла была на месте. Сидела на окне второго этажа того

самого дома, где я в последний раз ее почувствовал, и терпеливо ждала моего возвращения.

– Иди сюда, – велел я, добравшись до края площади, и Мелочь послушно спрыгнула вниз. При этом невидимость с себя она сняла, однако приземлилась не посреди мостовой, а в сторонке, в небольшой сугроб под окнами первого этажа. Уже оттуда вопросительно на меня посмотрела. И лишь когда я протянул руку, подтверждая, что она может приблизиться, кукла отряхнулась и запрыгнула на ладонь.

Откуда в ней взялась эта необъяснимая деликатность, я мог лишь догадываться. Но уже заметил, что Мелочь никогда не прикасалась ко мне без разрешения. Она не шлепалась с лихим писком на подушку, когда я ложился спать. Не тыкалась мордой в ладони, как встречающие у ворот собаки. Пробравшись в спальню или кабинет, она устраивалась где-то неподалеку, но всегда вела себя тихо и так, чтобы ее не было видно. И я не понимал, то ли дело заключалось во вбитом на уровне инстинктов почтении к хозяину, а то ли мое зубастое чудовище запомнило, как невежливо я обошелся при первой встрече с умруном, и теперь проявляло разумную осторожность.

– Поводком пользоваться умеешь? – спросил я, держа на ладони свою растрепанную нечисть.

– Дсь! – решительно шикнула она и для верности щелкнула костяшками.

– Очень хорошо. Тогда идем прогуляться. Ты здесь, я – в реальном мире. Можешь охотиться, но так, чтобы тебя не опознали. Если заметишь что-то необычное, просигналишь. Справишься?

Мелочь довольно заурчала – проявленное доверие ей польстило. После чего она бодро застучала костяшками, разворачиваясь на ладони наподобие маленького скорпиона, и спрыгнула обратно в сугроб. А я проследил за тем, как она стремительно растворяется в воздухе, и только после этого вернулся в обычный мир, благо на улице в такую рань никого не было.

Да, оставлять куклу одну во Тьме было не совсем правильно, но, во-первых, она и раньше там прекрасно ориентировалась. Во-вторых, я отдал ей приказ и мог надеяться, что глупостей мое чудовище не натворит. Наконец, после разговора

со жрецом следовало хорошенько подумать, а во Тьме отвлекаться на посторонние мысли было чревато. Поэтому домой я отправился пешком, как самый обычный человек, а по пути попытался разложить по полочкам все, что сегодня услышал.

Самыми важными мне показались сведения о том, что мастер Этор и мастер Нииро именно от Фола получили способность видеть Тьму через Тьму и умение пользоваться кавернами, из чего следовало, что способности у нас троих одинаковые. Смущало другое – когда мы убивали Палача, Нииро воспользовался обычным бердышом, хотя, как я теперь понимаю, намного проще было создать темный огонь и спалить живучую тварь к Фоловой бабушке. Получается, Нииро не знал о такой возможности? Он же не мог сглупить, отказавшись от заведомо лучшего оружия ради того, чтобы я об этом не узнал?

Нет. Старик хоть и устал от жизни, но умирать до последнего не собирался.

А как же тогда мастер Этор? Кавернами-то он пользовался мастерски. С Тьмой работал напрямую, как я. Благословение от бога тоже получил. Но значило ли это, что он умышленно ограничил себя в использовании Тьмы? Или же, подобно Нииро, о своих истинных возможностях на темной стороне попросту не догадывался?

Вытащив из памяти дневник учителя и перелистав в уме его страницы, я не нашел там ни одного намека на то, что Этору Рэйшу было что-то известно, и снова задумался.

Хорошо, оставим это. Пока будем считать, что учитель если не знал, то о многом догадывался, но скрывал эти сведения даже от единственного ученика. Вопрос в другом, как говорит отец Гон – какое отношение эти сведения имеют к оставленному наставником списку? В книге упоминалось несколько имен, которые показались мне смутно знакомыми. Вернее, это были имена трех родов, откуда в свое время Фол не единожды выбирал для себя жнецов: Дораши, Ахаро и Шарено.

В моем списке имелись похожие фамилии: Дайнеши, Айнеро, Карино. Получается, они лотэйнийские? Но что означают нарисованные напротив них топоры? И почему рядом с некоторыми поставлен вопросительный знак?

Наконец, самый главный вопрос – зачем мастеру Этору вообще понадобилось скрывать эти сведения? Ведь по большому счету все темные маги... и некросы, и маги Смерти, в том числе и предки Рэйшей... когда-то пришли в Алторию из Лотэйна. Кто-то раньше, кто-то позже, конечно. Но отец Гон открытым текстом сказал, что мы все – дальние потомки печально знаменитых лотэйнийских жнецов. Так зачем же учитель выделил именно эти десять фамилий? Почему так настойчиво указывал на свое родство с Уолшами и Уортэнами? И почему счел сохранение этой тайны настолько важной, что спрятал ее в глубине древней могилы, после чего забросил дела в столице и на долгие годы выпал из поля зрения Ордена магов и особенно Ордена жрецов?

– Непонятно, – пробормотал я, проходя мимо целой череды ярко освещенных лавок. Затем краем глаза поискал крадущуюся следом Мелочь. Нигде ее не нашел. А когда обратился к поводку, то с удивлением обнаружил, что кукла прилично отстала.

Обернувшись, я скорее почувствовал, чем увидел, что она остановилась возле одной из витрин и завороченно таращится на выставленные там товары. Поводок не позволял в полной мере ощутить эмоции служителя, но отголоски неподдельного восторга до меня, хоть и не сразу, все-таки докатились. После этого я, естественно, вернулся полюбопытствовать. И, пройдя примерно половину улицы в обратном направлении, озадаченно крикнул, обнаружив, что мое маленькое чудовище в немом восхищении застыло возле лавки кукольника и жадно пожирает глазами выставленные на витрине игрушки.

При этом она не просто на них смотрела, а машинально поглаживала свои собственные «волосы», которые каждое утро и вечер старательно расчесывала. Время от времени верхняя пара ее лап неуверенно прикасалась к стеклу, словно желая дотянуться до игрушек. Магическая защита, конечно, заставляла в последний момент их отдергивать, но вскоре кукла словно забывала об этом и опять подступала к витрине вплотную.

Стоило признать, неизвестный мастер знал свое дело, потому что созданные им куклы и впрямь выглядели как живые. Фарфоровые лица были старательно раскрашены, тщательно завитые локоны волнами падали на хрупкие плечи, а пошитые со всем тщанием платья и костюмы в точности отражали последние тенденции столичной моды. Даже на темной стороне куклы, несмотря на состаренный вид, выглядели достойно и, скорее всего, пользовались большим спросом. Было бы это не так, хозяин не рискнул бы занять помещение в

престижном квартале. И не тратился на магическую защиту, которая, впрочем, для Мелочи наверняка была на один зуб.

– Ничего отсюда не брать, – предупредил я, ненадолго вернувшись на темную сторону.

Мелочь вздрогнула от неожиданности и, раззявив широкую пасть, грозно зашипела. Но быстро меня узнала, захлопнула рот и, кинув полный разочарования взгляд на витрину, послушно от нее отошла.

Больше она не безобразничала, поэтому домой мы вернулись без приключений. Но поскольку теперь я постоянно отслеживал перемещения Мелочи, то вынужденно отвлекался, и ничего путного в мою голову больше не пришло. В том числе и в отношении списка. Единственное, о чем я подумал, это о том, что копии моих отчетов со старого места службы еще долго будут храниться в столичном архиве. А также то, что Корн их наверняка видел, когда знакомился с моим личным делом. С памятью, я полагаю, у него все в порядке. Так что, если в Алтире начнутся такие же странные кражи, как в Верле... боюсь, у него возникнут ненужные вопросы.

– Хозяин, вам депеша из Управления, – доложил Нортидж, стоило мне войти в дом и бросить на кушетку запыхавшийся плащ.

– Да? И кому же это не спится в такую рань?

– Господин Норриди желает видеть вас в своем участке.

– Когда принесли? – не особенно удивился я. После недели затишья было бы странно, если бы у Йена что-нибудь не случилось.

– Около четверти свечи назад, хозяин. Посыльный сказал, что вас ждут туда к девяти.

Я кивнул.

– Отлично. Тогда буди Марту, накрывай на стол... до девяти мы успеем еще разок перекусить. А сделать это определенно стоит, потому что до ночи я,

скорее всего, не вернусь.

* * *

Когда мы с Мелочью появились в кабинете Йена, тот, как ни странно, оказался пуст, а на столе лежала небрежно начерканная записка.

– «Спускайся в общий зал», – озадаченно прочитал я, пока кукла рассматривала незнакомое для себя помещение с темной стороны. Проще говоря, совала нос во все углы, пробовала на прочность чужой стол, бегала по потолку, старательно изучала поставленную мною на прошлой неделе защиту и раз за разом убеждалась, что лично для меня... а значит, и для нее... она везде остается проницаемой. – Что еще за общий зал?

Вернувшись на темную сторону, я заглянул в одну из дыр в стене и, обнаружив, что на первом этаже той половины здания, что занимала городская стража, толчется подозрительно много народу, с опозданием сообразил:

– Ах, вот оно что... кажется, у нас собрание?

Оставив Мелочь осваиваться, я вышел в реальный мир, спустился на улицу, как самый обычный человек. Затем обогнул здание Управления и вошел в соседнюю дверь, возле которой, как и всегда, с унылым видом сидела неопрятная регистраторша.

При виде меня она махнула рукой, показывая, в какую именно дверь надо проследовать, будто без нее было сложно догадаться. Я так же молча прошел мимо и изрядно удивился, обнаружив, что в холле первого этажа, куда обычно патрульные притаскивали бандитов и проституток, находится толпа незнакомых людей, одетых в форму городской стражи. А в дальнем углу, под наполовину замурованной лестницей, ютилась команда Йена: два его штатных мага, два следователя и пугливо озирающийся Сенька, которому было ужасно неуютно находиться среди такого количества блюстителей порядка.

Самого Норриди я отыскал у другой стены, в компании здоровенного бугая в штатском, на воротнике которого красовалась бляха Управления городской стражи. Мужик, судя по росту и размаху плеч, родился в семье горных троллей.

И, похоже, унаследовал не только их внешность, но и характер, потому что свирепо зыркал из-под мохнатых бровей и время от времени глухо порывивал. А поскольку в холле было довольно душно, то он еще и частенько смахивал пот со лба и теребил окладистую бороду, которой, судя по ухоженному виду, очень гордился.

«Ну наконец-то!» – проступило в глазах Норриди, когда его рыскающий взор наткнулся на мою кислую физиономию. В тот же момент он толкнул локтем соседа, здоровяк обернулся, на мгновение мы скрестили с ним взгляды, и я как-то сразу понял, что передо мной находится господин Диран Жольд собственной персоной. Начальник Управления городской стражи западного участка и с некоторых пор мой почти что враг, который, судя по тому, как изменилось сейчас его лицо, до конца своих дней не забудет о подписанных мной счетах за ложные вызовы.

– Ти-и-хо! – рявкнул на весь зал «потомок троллей», и в помещении мгновенно воцарилась тишина. – Заткнитесь все и слушайте сюда! Сейчас коллеги из сыска Управления сообщат важную информацию, по которой вы, голодранцы, будете передо мной отчитываться!

Я только хмыкнул, когда доблестная городская стража подтянула животы и попыталась изобразить на лицах служебное рвение. После этого вперед вышел Йен и, состроив совсем уж скорбную морду, не слишком охотно буркнул:

– Доброе утро. Возможно, до кого-то из вас уже дошли последние новости, но, поскольку начальство приказало ввести городскую стражу в курс дела, я вынужден отвлечь вас от исполнения ежедневных обязанностей, а кого-то, возможно, даже от законного отдыха.

По залу прокатился неодобрительный гул.

– Собственно, перейду сразу к делу, – словно не услышал Йен, а гул под свирепым взглядом господина Жольда мгновенно стих. – Сегодня ночью из собственной спальни бесследно исчез младший племянник герцога Искадо. Его зовут Роберт Лернан Искадо. Мальчику всего десять. И он – светлый маг, причем довольно сильный. Его сиятельство очень обеспокоен судьбой своего близкого родственника, однако требований о выкупе пока не поступало. О личностях похитителей также ничего не известно, поскольку по непонятным причинам

магическая защита в особняке, откуда исчез мальчик, была отключена. Версия с побегом уже проверяется – пока для ее подтверждения нет достаточного количества улик. По делу работает специальный отдел Управления дворцовой стражи совместно с главным сыскным Управлением Алтира, однако руководство посчитало необходимым поставить в известность и все сыскные Управления города, и городскую стражу.

– Мы-то тут при чем? – буркнул стоящий неподалеку мужик. – Пусть «спецы» этим занимаются.

– Вместе с магами, – поддержал его второй. Но тихо. Так, чтобы до Жольда не донеслось. – Это же их работа. Тем более соплук из их числа.

– Если окажется, что мальчишку держали взаперти на нашем участке, а мы его упустили, мало никому не покажется, – возразил третий. – А если его найдут по частям в каком-нибудь подвале, то отымеют сразу всех. И «спецов», и сыскарей, и нас заодно.

Стражники уныло вздохнули – об этом они как раз догадывались. А потом кто-то из тех, кто стоял ближе к начальству, рискнул задать вполне резонный вопрос:

– Если мальчик – маг, то почему его не смогли найти с помощью метки? У него же клеймо в ауре должно стоять.

– По непонятным причинам его метка неактивна, – еще более неохотно сообщил Йен.

– Тогда, наверное, племянник герцога уже мертв?

– Нет. Сигнала о гибели магов его профиля в ближайшие сутки в Орден не поступало. И метка мальчика не проходила ни через одни городские ворота, поэтому есть основания полагать, что юный герцог не покидал пределы столицы, но при этом его магические способности сильно ограничены.

«То есть на него попросту нацепили глушилку. А то, что в Орден не прилетел вестник смерти, позволяет с уверенностью утверждать, что пацан еще жив», – заключил я и непроизвольно зевнул.

Стражники, между прочим, были правы насчет мальчишки. Такими вещами должны заниматься люди из специального отдела и, конечно же, сыскари из ГУССа. Их ведь для того и содержали за счет королевской казны. Само собой, исчезновение юного герцога вызовет огромный общественный резонанс. То есть его исчезновение будут обсуждать, смаковать и, конечно же, со знанием дела комментировать все неудачи сыскарей. При этом немалая часть работы все равно ляжет на плечи простых стражников. На тот случай, если они... то есть мы... каким-нибудь чудом что-то узнаем, заметим или случайно сообразим. После чего люди Корна бодро примчатся на зов, в самый решающий момент все разрулят, всех побьют. А потом гордо доложат его величеству об очередной громкой победе. Так же, как недавно сделал мой бывший шеф, когда стало ясно, что умрун в столицу уже не вернется.

К тому, что там еще говорил с трибуны Йен, я больше не прислушивался. Стандартные вопросы, такие же стандартные ответы. Сколько раз я такие уже слышал – даже припомнить трудно. Конечно, от стражников звезд с неба никто не требовал. Но быть внимательными во время патрулирования и всматриваться в лица прохожих им теперь придется больше обычного.

– Арт, я смотрю, тебе неинтересно? – чуть не застал меня врасплох незаметно подобравшийся Норриди. – И судьба пропавшего мальчика тебя совсем не волнует?

Я, не сдержавшись, снова зевнул.

– Это не наше дело. Не наше от слова «совсем», и ты сам это прекрасно понимаешь. Но раз уж оно тебя так задело, то не волнуйся – я услышал. И если встречу где-нибудь юного герцога, то обязательно тебе сообщу.

– Ты даже не поинтересовался, как он выглядит, – сердито буркнул Йен и сунул мне под нос красиво выписанный портрет, где был изображен кучерявый светловолосый и улыбчивый мальчишка лет десяти. – На, чудовище. Смотри.

Я послушно посмотрел. Запомнил. Убедился, что породистый сопляк и впрямь чем-то похож на первого советника и по совместительству ближайшего родственника его величества Ринорка Шестого. После чего вернул портрет Йену и спокойно осведомился:

– Это все? На сегодня дел больше не планируется?

– Щас, разбежался, – неприветливо отозвался тот. – Этой ночью произошло сразу три кражи с применением магических артефактов. Так что бери свою шляпу, садись в кэб и на скорое возвращение домой можешь не рассчитывать.

– Умеешь же ты обрадовать, – чуть не сплюнул я вслед уходящему шефу. А потом подметил мелькнувшую в толпе физиономию штатного мага из Управления городской стражи и понял: в новом деле есть какой-то подвох. Иначе Шоттик не выглядел бы до омерзения довольным, словно собственноручно ограбил все три дома и был уверен, что мы никогда об этом не догадаемся.

Глава 3

По дороге Йен упорно хмурился и наотрез отказывался со мной говорить. А все потому, что мы не сошлись во мнении, на какое из мест преступлений следует отправиться в первую очередь. Зануда Норриди всю жизнь считал, что расследовать дела надо строго по порядку. Начинать с того, которое мы получили первым, и лишь после окончания первичного осмотра приступать к следующему. Я же полагал, что более разумно использовать территориальный принцип: какое место преступления находилось ближе, с того и начинать. Если, конечно, дело не являлось срочным или сверхважным.

Но сегодня у Йена было особенно дурное настроение, поэтому кэб доставил нас Тьма знает куда. В смысле, аж на Сорок четвертую улицу, в дом под номером тринадцать, откуда, по словам патрульных, этой ночью исчез дорогой артефакт. Его исчезновение обнаружила хозяйка дома – одинокая пожилая леди, живущая в большом особняке вместе с парой проверенных слуг и целой сворой тьявкающих собачонок.

Когда кэб остановился перед некогда роскошным крыльцом, а Йен постучал в дверь, внутри раздался пронзительный лай. Потом послышались шаркающие шаги, на пороге возник немолодой усатый дворецкий, одетый в видавшую виды ливрею. Вокруг него вилась целая куча мелких, одинаковых черно-рыжих шавок, ошейники которых стоили раза в три дороже одежды слуги. После этого лай

стал совсем оглушительным, и я был вынужден отступить в сторону, чтобы не оглохнуть.

Почти сразу после того, как Йен, перекрикивая собак, представился, из дома выбежала пожилая дама и, расквохтавшись, принялась подбирать с пола малогабаритных питомцев хозяйки. Ходки через три ей это наконец удалось, и после того, как псин заперли в одной из комнат, нам было позволено войти в дом.

Разумеется, первым в эту собачью обитель зашел Йен – как самый главный. За ним, морщась от запаха, просочились оба старательно глядящих под ноги следователя. Затем Тори, как галантный кавалер, попытался пропустить вперед Лизу, но я успел вовремя схватить ее за золотую косу и, оттянув назад красиво посаженную головку, строго спросил:

– Ку-уда?! Тори, ты собрался угробить свою очаровательную коллегу?

Лиза удивленно скосила на меня глаза:

– Почему это угробить?

– Это простая вежливость, мастер Рэйш, – сухим, насквозь официальным тоном сообщил паренек, с неодобрением глядя на зажатую в моем кулаке толстую косу. – По правилам этикета мужчина должен пропустить леди вперед. Хотя, возможно, вам это неизвестно. Как и то, что обращаться с леди так, как поступили сейчас вы, совершенно недопустимо.

Я ухмыльнулся.

– Давай не будем выяснять границы моей невоспитанности. Боюсь, они находятся далеко за гранью твоего воображения. Мне просто интересно: а если бы мы оказались на темной стороне, ты бы тоже пропустил ее вперед?

Тори насупился.

– Темная сторона – это другое.

– Да ну? А если бы это был бандитский притон?

– Вы говорите глупости, – процедил мальчишка, сердито буравя меня глазами. – Какое отношение к обычной вежливости имеет притон или место, где вообще не существует никаких правил?

Я вместо ответа заглянул в дверной проем, стукнул кулаком по ветхой стене, а когда с потолка рухнул приличный кусок штукатурки, насмешливо покосился на мага.

– Теперь мои аргументы выглядят более убедительными?

– Ой, – пискнула Лиз, сообразив, что вполне могла остаться без прически. – Спасибо, мастер Рэйш. Я не заметила.

– Вежливость для темного мага – это прах, – отчеканил я, глядя на побледневшего парня. – Его собственный прах, на котором радостно станцуют привлеченные шумом гули. Ты меня понял?

Тори опустил глаза.

– Да, мастер Рэйш. Слабые не выбирают место в шеренге.

– Вот именно.

– Тогда, наверное, первым лучше было зайти вам? – тихонько предложила девушка, ничего не понявшая из нашего разговора. – Вы же у нас самый сильный. С вами нигде не страшно.

– Напротив. Если бы мы оказались на темной стороне, первым я пустил бы туда твоего друга.

– Почему?

Я нехорошо улыбнулся.

– Чтобы, пока его жрут притаившиеся за углом твари, можно было успеть среагировать.

Лиз хихикнула и воззрилась на меня с преувеличенным ужасом, полагая, что это была шутка. Однако Тори не сказал ни слова. И, развернувшись, так же молча вошел в пустой коридор.

В отличие от непосвященной подруги он должен был помнить, что лет сто назад существовало правило, на соблюдении которого настаивало руководство нашего Ордена. Сильных темных тогда было мало, каждого из них берегли как зеницу ока, поэтому в безвыходных ситуациях слабые маги зачастую жертвовали собой, учителя ставили перед собой учеников, а более опытные старались держаться в стороне от молодняка.

Сейчас, конечно, все изменилось, но правило до сих пор никто так и не отменил. И в случае, если боевая двойка оказывалась перед выбором – погибнуть вдвоем или дать шанс спастись хотя бы одному, маги чаще всего выбирали последнее.

Подтолкнув хихикнувшую девицу в спину, я по привычке вошел в дом последним. А как только за нами закрылась дверь, на всякий случай проверил поводок, однако Мелочь была уже здесь – бесшумно кралась за нами по потолку. А значит, дополнительно контролировать ситуацию оказалось не нужно, что для меня, честно говоря, было внове.

Хозяйка дома выглядела под стать своему ветхому жилищу – древняя, сморщенная, не слишком опрятная, но по-своему милая старушенция, которая чем-то напомнила мне мадам Одди. Она тоже подслеповато щурилась, когда разглядывала незнакомцев. Носила дома такие же меховые тапочки и зябко куталась в шаль, будучи в полной уверенности, что по дому гуляют страшные сквозняки, от которых дырявый платок непременно ее избавит.

– Прошу прощения, что потревожила вас, господа следователи, но у меня пропала очень ценная вещь, – сказала леди Муэра, когда Йен представился во второй раз и представил всех остальных. – Она дорога мне как память о покойном муже, и я бы очень хотела, чтобы ее вернули. Прошу вас, присаживайтесь.

Скрипучий старушечий голос полностью оправдал мои ожидания. Как и сидящая на руках у хозяйки маленькая собачонка. Дряблые пальцы престарелой леди рассеянно перебирали густую белую шерсть, порой начинали теревить дорогой кожаный ошейник. А иногда задерживались на специально сшитом для шавки кафтанчике, который выглядел много лучше, чем та самая шаль, в которой хозяйка дома вышла нас встретить.

К нашему приходу леди Муэра явно готовилась, потому что, как только Норриди и маги присели на старые стулья, обитые потускневшей от времени тканью, старушка протянула портрет. Он тоже выглядел старым и выцветшим от времени, однако ничего лучше у нас пока не было.

– Видите эту брошь, господин Норриди? – проскрипела хозяйка дома, ткнув трясущимся пальцем в изображение на портрете. – Мой второй муж подарил ее на день нашей свадьбы, и с тех пор она всегда была со мной.

– Где она находилась вчера вечером? – осведомился Йен, передавая портрет следователям, чтобы те могли опознать пропажу.

Хозяйка дома торжественно возложила трясущуюся ладонь на левую сторону груди.

– Конечно же, на мне.

– Вы не сняли ее перед сном? – удивился Норриди, а портрет тем временем ушел гулять по рукам.

– Я же сказала: она всегда была при мне. Но этим утром брошь исчезла, поэтому я и вызвала вас.

Лиз с Тори скептически переглянулись, а портрет тем временем добрался до меня, и вот тут-то я, что называется, обалдел – на белом подвенечном платье весьма недурственной леди средних лет красовалась знаменитая «алторийская лилия». Единственный в своем роде защитный артефакт, о котором я слышал еще в далеком детстве и который, по слухам, дарил своему владельцу почти абсолютную защиту от магии.

Артефакт был достаточно древним и имел весьма богатую историю. Этакая местная легенда о том, как один столичный ювелир создал удивительный по красоте искусственный цветок, а затем другой умелец влил туда нехилую порцию магии. Насколько я знал, много лет назад «лилию» выкупил у последнего хозяина какой-то баснословно богатый купец. Одно время это событие активно обсуждалось в светских кругах, и даже мои родители не остались в стороне от темы, но я тогда был слишком мал, чтобы уделить этой новости должное внимание. И все, что я помнил, это то, что в золотую оправу броши было вставлено несколько десятков разнокалиберных бриллиантов. А также то, что выкрасть такую вещь, опять же по слухам, считалось практически невозможным.

И тут такой сюрприз...

Я совершенно по-новому взглянул на пожилую леди, на глазах которой выступили слезы.

– Помогите мне, господа, – прошептала она, украдкой вытирая морщинистые щеки. – Кроме этой броши и памяти о муже, у меня ничего не осталось. Я готова уплатить любое вознаграждение за ее возвращение. Пожалуйста. Не считите за труд...

– Мы бы хотели осмотреть дом и переговорить со слугами, – скрепя сердце сказал Норриди, поднимаясь со стула. На его брюках при этом остались клочья собачьей шерсти, которую, видимо, позабыла смахнуть с сиденья пожилая служанка. А вот я мысленно похвалил себя за предусмотрительность, потому что единственный из всей команды не захотел соблюдать правила этикета.

Естественно, беседовать со слугами я не стал – этим могли заняться наши следователи: Брил и Торн. А вот по дому прогуляться не отказался и, как только леди Муэра дала добро, первым же делом двинулся исследовать хозяйскую спальню. Раз уж артефакт пропал именно там, то и следы следовало искать поблизости. А мне вдруг стало интересно взглянуть на знаменитую «алторийскую лилию» и заодно убедиться, что она действительно так хороша, как о ней говорили.

К сожалению, в спальне пожилой леди ничего интересного не оказалось, кроме потрясающе выполненного портрета, на котором была в полный рост

изображена хозяйка дома в годы ее далекой юности. Портрет, стоило признать, был по-настоящему хорош. Молодая леди Муэра тоже. Однако никаких следов пребывания артефакта в помещении я не нашел и этим немало озадачился. До тех пор, пока не вспомнил еще один немаловажный факт и не спустился в гостиную уточнить у хозяйки, не подвела ли меня память.

– Все правильно, господин маг, – несказанно огорчила меня пожилая леди. – Моя «лилия» не определяется с помощью магии. И именно об этом я сказала дежурному магу, когда этим утром он явился на вызов. Но он пообещал, что пришлет сюда лучших специалистов и что вы непременно поможете! Вы ведь поможете?

Ах, Шоттик... скользкий ты гад...

– Конечно, миледи, – подтвердил я, мысленно представив, как распну светлого на дыбе. – Но для этого мне нужно осмотреть вашу шаль.

– Пожалуйста, господин маг, – удивилась хозяйка и с явным трудом выпуталась из видавшего виды шедевра вязального мастерства. Я с величайшей осторожностью, чтобы не стрясти на себя пыль, его принял, после чего бережно разложил на диване и осмотрел, уделив особое внимание большому колтуну, который, вероятно, с годами вырос вокруг броши, а также приличной дыре в том месте, где, по-видимому, когда-то крепилась «лилия».

Нитки в этом месте выглядели особенно ветхими. Слегка потяни, надави, и они сами расползутся под пальцами. А артефакты вроде «лилии» тем и примечательны, что их действительно очень сложно украсть. Зато можно подобрать с пола случайно обороненное сокровище и унести его отсюда в кармане.

– Слуги ни при чем, – отрапортовали следователи, как только я выдернул их из кухни и осведомился, нет ли среди домочадцев леди Муэры непорядочных людей. – На ночь в доме оставалась лишь одна служанка, но мы проверили ее показания под амулетом правды – к броши она не прикасалась и понятия не имеет, куда та могла запропаститься.

– Охранные амулеты на доме старые, но их никто не тревожил, – добавил Брил, когда я кинул задумчивый взгляд на зашторенное окно. – Хозяйка поклялась, что

перед сном на улицу тоже не выходила. И всю ночь провела в постели, так что артефакт украли именно там. Лиза сейчас проверяет сад на предмет чужого присутствия. Но Тори сказал, что через первый этаж в дом никто проникнуть не мог.

«Значит, надо проверить второй», – решил я и, оставив парней, снова поднялся наверх.

– На крыше чисто, – доложил спустившийся сверху Йен, на шее которого покачивался покрытый пылью визуализатор. – Ни следов взлома, ни иных признаков присутствия человека. Там лет сто, наверное, никто не убирался, чердачное окно замуровано намертво, а следы на полу только мои... А-апчи! И то лишь потому, что мне каким-то чудом удалось открыть вросшую в пол дверь.

– Будь здоров, – рассеянно отозвался я, проходя мимо. – Допроси-ка еще разок служанку. Наверняка она бы услышала, если бы дверь открывали ночью. И еще узнай, не выходила ли хозяйка, скажем, на балкон? Старушка совсем древняя. Вдруг о чем-то да позабыла?

Норриди вместо ответа буркнул что-то неразборчивое, но ожидаемого «сам спроси» я все-таки не услышал. Кажется, начальство уже оттаяло, хотя, по обыкновению, пыталось этого не показать. Зато, когда я еще раз осмотрел спальню и заглянул в спрятанную за не приметной дверкой уборную, на пороге нарисовалась присланная шефом та самая пожилая леди, что избавила нас от собак, и смущенно пробормотала:

– Простите, господин маг, но мы ею сейчас не пользуемся. Канализация забилась, а починить некому.

Я аккуратно прикрыл дверку, чтобы в спальню не просачивался характерный душок.

– Почему же некому? Разве в доме нет мужчин?

– Роберт ничего не смыслит в таких делах, – извиняюще пояснила женщина. – А на хорошего мастера у госпожи Муэры... простите... нет денег. Там же на магии что-то завязано. Управляющий артефакт почему-то забарахлил, вот и некому теперь разобраться. А услуги бытового мага стоят дорого.

– Неужели у леди настолько плохи дела?

– Покойный господин Муэр оставил ей немало долгов. Но леди отказалась продавать единственную в доме ценную вещь, поэтому вынуждена доживать свои дни вот так... но это, конечно же, никого не касается. Простите еще раз, господин. Это и не мое дело тоже. Я не должна была о этом говорить.

Я окинул внимательным взглядом опустившую голову служанку, но, прежде чем покинуть спальню, все же спросил:

– Вы все время находитесь рядом с леди Муэрой?

– Да, господин маг.

– И она действительно носила брошь, не снимая?

– Даже спать с ней ложилась, – подтвердила служанка. – Бывает, накроется шалью, закутается в нее как в кокон и так засыпает, держа свое сокровище в руке.

– То есть украсть брошь, не разбудив хозяйку, было невозможно?

– Именно так, господин маг, – кивнула дама и бросила выразительный взгляд на аккуратно заправленную, но такую же старую, как остальной дом, постель, где как минимум пару дней назад стоило бы сменить простыни. – Но, если честно, я совсем не уверена, что брошь пропала именно этой ночью.

Я резко обернулся.

– Почему вы так решили?

– Потому что... – служанка понизила голос, – вы же видели эту ужасную шаль, господин маг. Хозяйка не разрешает к ней прикасаться, и там даже пауки однажды расплодились, да так, что я с трудом их потом оттуда вытряхнула.

– Ну и что?

– А то, что леди Муэра стара. И очень плохо видит. Она могла не понять, что под руками у нее не брошь, а тот кошмарный колтун. А раз так, то кто знает, где и когда она ее потеряла? Днем хозяйка кутается в шаль так, что нам не видно, носит она брошь или нет. А ночью никого к себе не впускает. Даже меня, хотя я не раз предлагала, ведь ходить даже до уборной ей с каждым годом становится все труднее.

– Что?! – ошеломленно повторил я, кинув шальной взгляд на заветную дверку. – Тьма! Леди, когда, говорите, у вас забарахлил управляющий артефакт?!

– Неделю назад или чуть меньше.

– А за это время ваша хозяйка хотя бы раз покидала дом?

– Нет, конечно, – удивилась дама. – Она уже лет пять на улицу не выходит, с собаками гуляю я и наш верный Роберт. А гостей здесь почти не бывает. Хозяйка очень ценит уединение и не стремится поддерживать отношения даже с соседями.

Я с тоской посмотрел на проклятую дверь, но осенившая меня дурацкая идея была слишком похожа на правду.

Ну ведь в самом деле! Если никто не мог попасть в дом в принципе, а слуги не крали бесценную «лилию», то получается, что хозяйка сама ее потеряла! Причем, скорее всего, не вчера и даже не позавчера, потому что, как самая обычная старушка, была слепа, почти ничего не чувствовала кончиками пальцев и быстро забывала недавние события!

Исходя из всего того, что мы узнали, самым вероятным местом, где она могла бы обронить свое сокровище, была именно спальня, где леди Муэра проводила немало времени. А точнее не спальня, а эта самая уборная, куда старушка, вероятно, побрела посреди ночи, но зацепилась шалью и сама не заметила, как державшаяся на сопле брошка с тихим плеском булькнулась в...

В общем, вы поняли.

Конечно, «алторийская лилия» была настолько удачно сделана, что определить ее с помощью магии представлялось абсолютно невозможным делом. Однако влиять на другие артефакты она наверняка могла! И в этой связи мне кажется, я правильно определил причину, по которой в канализационной трубе появился посторонний предмет, а надежный, десятилетиями служивший управляющий артефакт вдруг начал работать со сбоями.

Тьма! Я точно убью Шоттика по возвращении!

– Арт! Как у тебя дела? – неожиданно раздался из коридора обеспокоенный голос Йена, а следом послышались его тяжелые шаги. – Что-то ты долго возишься. Нашел что-нибудь?

– Конечно, – оскалился я. – Иди-ка сюда, дорогой друг. Сейчас я объясню тебе, как можно снискать славу героя...

Примерно через полторы свечи мы снова забрались в кэб и в гнетущем молчании потащились на следующее место преступления. При этом молодежь выглядела на редкость воодушевленной, взгляды, которыми они обменивались, были откровенно веселыми. Но если маги и следователи потешались над незадачливой старушкой, то Норриди вновь насупился и мрачно смотрел в окно, время от времени поднося к лицу надушенный платок и закрывая им свой многострадальный нос.

– Да что ты в самом деле? – с преувеличенной заботой заметил я, когда он в третий раз попытался перебить настойчиво преследующий его запах. – Всего-то делов, что помогли несчастной бабушке отыскать ее потерю. И вообще, своими глазами увидеть знаменитую «алторийскую лилию» – это, знаешь ли, огромная удача.

Йен бросил на меня злобный взгляд.

– Тебе хорошо говорить! Не ты же доставал из канализации этот дурацкий артефакт!

– Ну, такое важное и ответственное дело, безусловно, должен был совершить самый мудрый и самоотверженный человек в коллективе. И никто из нас не собирается оспаривать тот факт, что ты, как руководитель, с честью выдержал

это непростое испытание.

В салоне раздалось сдавленное хихиканье.

– Чтоб тебя демоны сожрали, Арт! – Норриди с досадой покосился на развеселившихся подчиненных. – В следующий раз в трубу полезешь ты! А я посмотрю, как ты будешь это делать! И каким оттуда вылезешь, особенно если тебе выпадет честь доставать из дерьма не поддающуюся магии побрякушку!

– Если нам придется еще раз вскрывать канализацию, я лучше Шоттика туда засуну, – ухмыльнулся я. – Головой вниз и желательно насовсем, а то после его визитов слишком часто стал портиться воздух.

Йен поджал губы.

– Если надумаешь нести Жольду новые счета, сперва покажи мне. Я все подпишу.

– Договорились. Только включи туда стоимость новой одежды. Потому что эту... прости, но все-таки лучше поменять.

Йен мрачно зыркнул из-под насупленных бровей, но злиться все-таки перестал. Точнее, он перестал злиться на меня, потому что переключил свое внимание на более достойный объект. Так что Шоттик напрасно решил нам отомстить за недавний разнос. Нечистых на руку людей Норриди не любил, пожалуй, даже больше, чем я. Жажда справедливости была у него в крови. А это значило, что штатному магу Управления городской стражи в скором времени грозили крупные неприятности. В которых я, как внештатный сотрудник Управления городского сыска, планировал принять самое деятельное участие.

Глава 4

С остальными двумя кражами мы провозились несколько дольше, но на небогатом западном участке, где обитали самые обычные горожане, взять было практически нечего. Аристократы здесь традиционно не селились, дорогих

лавок никто не открывал, поэтому громких краж совершать было негде. И некому, если уж на то пошло. В итоге всего через сутки мы отдали коллегам из городской стражи незадачливого воришку с магической отмычкой, с помощью которой он вскрыл чей-то захламленный особняк. А еще через день представили пред грозные очи господина Жольда растрепанную девицу, в руки которой случайно попало наполовину разряженное «кольцо сна», благодаря чему она всего за одну ночь умудрилась обчистить карманы полутора десятков неосторожных мужчин, которые рассчитывали провести незабываемую ночь.

После этого в Управлении снова наступило затишье.

Я, пользуясь случаем, смотался в Верль, чтобы притащить из схрона еще один мешок с книгами. И не вылезал из кабинета до тех пор, пока в одном из томов не наткнулся на сделанную карандашом короткую пометку: «Важно!»

Книга была об истории темного искусства и представляла собой не что иное, как воспоминания одного из магов, жившего в Алтории чуть меньше трехсот лет назад, когда темное искусство находилось на пике своего расцвета. Мага звали мастер Рейно Лерс, и был он, если верить предисловию, некросом. Причем неплохим и довольно известным, поскольку много лет изучал вопросы наследования темного дара.

Именно рядом с этим абзацем мастер Этор оставил первую пометку, поэтому дальше я принялся читать с удвоенным интересом. И вскоре выяснил, что уже в те времена наши коллеги проводили не то чтобы селекционную работу, но все же стремились к тому, чтобы одаренные дети рождались в более чистых в магическом плане семьях.

Оно в общем-то и понятно: чем больше у ребенка имелось одаренных предков и чем сильнее был дар у родителей, тем выше была вероятность, что малыш его унаследует. Однако Лерс обнаружил и другую закономерность, причем гораздо менее приятную для магического сообщества.

Он считал, что темный дар по определению нестабилен и имеет волнообразно протекающие периоды расцвета и последующего спада. Причем, по наблюдениям Лерса, это происходило ритмично. Когда через одно поколение, реже – через два или даже три. В переводе на нормальный язык это означало, что магический дар у темных магов зачастую передавался не напрямую – от

отца к сыну, а переходил от деда к внуку или даже к правнуку. Причем, независимо от количества детей, только к одному наследнику.

Когда мастер Лерс отметил эту закономерность, он вывел прямую зависимость между временем, в течение которого длился период спада, и одаренностью магов в каждом конкретном роду. Даже привел алгоритм, по которому эту кривую можно было рассчитать. А также выяснил, что в семьях, где спады происходили реже и длились дольше, в целом магический дар постепенно усиливался из поколения в поколение, а в тех, где спады оказывались короткими и частыми, наоборот – угасал.

Открытие для того времени было весьма спорным, поскольку в своих исследованиях Лерс опирался преимущественно на архивные записи и не смог привести коллегам убедительных доказательств. К тому же он уверял, что полноценный темный дар способен перейти только к одному-единственному наследнику, тогда как везде и всюду случалось, что дар наследовали по двое, трое и даже больше детей в семье.

Одним словом, в теории имелись белые пятна, которые на тот момент не было возможности заполнить. Из-за чего, как это часто бывает, гипотеза Лерса не была воспринята серьезно, а сам Лерс был осмеян и вынужденно ушел из Ордена. Однако не отказался от необычной идеи и посвятил ее изучению всю оставшуюся жизнь. Правда, до этого дня я нигде не встречал упоминаний о его работах и не слышал, чтобы маг с таким именем совершил какое-нибудь революционное открытие.

И вот здесь-то мне на помощь пришел мастер Этор, который сделал на полях еще несколько важных пометок.

В частности, сослался на документально подтвержденный случай из истории провинциального рода Бейлис, который в свое время вызвал немалый общественный резонанс. История оказалась довольно проста, а род, о котором шла речь, был, разумеется, темным. Среди его отпрысков когда-то встречались и некросы, и полноценные маги Смерти, однако суть заключалась в другом. Около восьмидесяти лет назад последними представителями этого семейства оказались два брата. Причем оба были довольно слабыми магами, но один являлся слабеньким некросом, а второй умел ходить на темную сторону.

К тому времени маги Ордена уже научились определять и фиксировать величину магического дара, поэтому способности братьев были известны с рождения. Однако когда один из них погиб, то дар второго через некоторое время показал приличные показатели роста. И это привело в замешательство как самого мага, так и представителя Ордена, которого попросили провести контрольный замер.

Мастер Этор мне об этом рассказывал. Давно, еще на заре моего ученичества, но я тогда не придавал его словам большого значения. Однако сейчас, зная то, что открылось мне в последнее время, я был вынужден пересмотреть теорию Рейно Лерса.

Возможно, он был прав, когда утверждал, что полноценный темный дар способен воплотиться лишь в одном-единственном наследнике. Когда их становилось больше, дар дробился и понемногу слабел. С каждым новым поколением. С каждым рожденным молодым магом. Однако все же не угасал, потому что с гибелью более старых представителей темного семейства молодые маги получали дополнительную порцию силы и все-таки могли продолжить род.

На этом месте учитель сделал еще одну пометку: «Разделение», а на следующей странице жирно подчеркнул на полях: «Женщины!»

Я, если честно, так и не понял, что он хотел этим сказать, но когда подобрался к последней главе, то наткнулся на весьма любопытный вывод, к которому автор книги пришел под конец своей долгой жизни.

Лерс почему-то считал, что женщины по определению не могли стать хорошими магами, поэтому категорически не одобрял приход в профессию леди. Возможно, в чем-то он и тут оказался прав, потому что по-настоящему сильных темных магичек наш мир действительно не видел. Да, встречались отдельные личности вроде той же Хокк или Триш, но их всегда были единицы. А во Тьму, кто бы что ни говорил, их толкала такая же жизненная необходимость, как и мужчин-магов, поэтому думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что дамы редко выбирали свой путь осознанно.

А вот абзац, где Лерс рассуждал о передаче магического дара детям, мастер Этор выделил отдельно. Там говорилось, что если ребенок родился в семье, где магом являлся отец, то действие кривой, отражающей периоды спада и расцвета магического дара, проявлялось в полной мере. В семьях же, где магами

являлись оба родителя, кривая резко уплощалась, а периоды спада... как и расцвета, впрочем... становились в полтора-два раза длиннее, из-за чего в таких семьях с определенной периодичностью могли родиться как великие темные маги, так и полные бездари. Наконец, в случае, если магом была мать, а отец являлся простым человеком, даже один-единственный ребенок был обречен на неполноценный дар.

Триста лет назад таких семей было немного, однако во многих Лерс подметил эту нехорошую тенденцию. Он, правда, связал ее с тем, что женщины-маги не предназначены для материнства, и именно поэтому их потомство оказывалось несостоятельным в магическом плане. Однако мастер Этор размашисто написал на полях слово «чушь!», и я был склонен с ним согласиться.

А вот дальше начиналось самое интересное, потому что чуть ниже учитель сделал еще две пометки: «перетягивания дара» и «блок», рядом с которым стоял жирный вопросительный знак. Здесь же, в тексте, мастер Рейно Лерс выдвинул предположение, что во время беременности одаренная мать, пользуясь магией, вполне могла оттягивать дар младенца на себя и именно этим ослаблять собственное дитя. Но если поставить между ними блок и лишить ее этой возможности...

От этой идеи у меня аж дух захватило – настолько она выглядела правдоподобной. Но, к сожалению, в конце следующего абзаца имелась очередная приписка, также сделанная рукой учителя, только совсем другими чернилами. И она печально гласила: «выкидыш», «Рита» и через знак равенства – «бесплодие», тем самым перечеркнув все предыдущие предположения и поставив жирный крест на возможности вмешательства в процессы наследования магического дара.

Закончив читать уже глубоко за полночь, я с некоторым опозданием задумался над тем, откуда мастер Этор мог с такой уверенностью говорить о негативных последствиях магического блока для матерей. А потом вспомнил, что у него когда-то была дочь... вспомнил Лойда и его слова о тяжелой болезни матери. Напрочь забыв о том, что уже темно, срочно вызвал в кабинет недоумевающего дворецкого. И, задав ему несколько простых вопросов, устало откинулся в кресле.

Рита...

Вот, значит, какие скелеты водились в вашем шкафу, учитель: Рита...

Боюсь даже представить охвативший вас ужас от известия, что ваша единственная дочь ожидает первенца от обычного смертного. Причем ожидает тайно и тайно же планирует позорное для столь именитого отца замужество. Зная ваш сложный характер, нетрудно предположить, чем закончился ваш разговор. Но страшнее всего, пожалуй, было бы узнать всю глубину вашего отчаяния, когда, оказавшись перед нелегким выбором и сделав его во имя продолжения рода, но вопреки воле единственной дочери, вы все же поняли, что совершили ошибку.

В тот день вы потеряли не только нерожденного внука, но и дочь, мастер Этор. А я, пожалуй, теперь знаю, почему вы так спешно оставили столицу. И почему, все-таки дав согласие на брак с неодаренным, но по-прежнему дорогим для дочери человеком, вы больше не стремились поддерживать с ними отношения. А вместо этого ушли из Ордена, бросили все свои научные изыскания, отказались от золота, славы, даруемых вашим статусом привилегий и из весьма известного мага превратились в обычного отшельника.

Нортидж также сказал, что барон Ирвин Лойд был гораздо старше своей одаренной супруги. И, наверное, если покопаться в архивах, где-нибудь наверняка найдется информация о его первой жене или о внебрачном сыне, которого утратившая способность к материнству Рита Рэйш с радостью приняла и воспитала вместо родного.

Это автоматически означало, что Освальд Лойд изначально не имел прав на доставшийся мне магический перстень. Однако родители, по-видимому, решили не рассказывать сыну о прошлом. Как не стали этого делать вы, мастер Этор, увидев в ауре неродного вам внука свежую метку убийцы. И как не сделал этого первый наставник Лойда, который вообще не вникал, да и не мог, пожалуй, вникнуть в тонкости ваших непростых отношений.

Да, судьба распорядилась так, что мальчишка, которого вы выгнали из дома, вырос, заматерел и через некоторое время снова явился вас навестить, мастер Этор. Но кто знает, чем бы закончилась эта встреча, если бы к тому времени вы, учитель, были бы живы, а вместо вас Освальда Лойда не встретил молодой темный маг по имени Артур Рэйш...

* * *

Засидевшись в кабинете почти до утра, но так больше ничего путного и не надумав, в конце концов я решил отправиться на боковую и с хрустом потянулся. На темной стороне усталость почти не чувствовалась, от долгого напряжения глаза не болели, голова по-прежнему соображала, а если и хотелось размяться, то лишь от того, что я все еще не привык подолгу проводить время за книгами.

Единственное, что мешало всерьез, – это то, что заботами учителя фамильный особняк Рэйшей выглядел во Тьме и в реальности практически одинаково, поэтому, чтобы понять, в каком мире нахожусь, мне порой требовалось приложить некоторое усилие.

Привычно покосившись в сторону окна, я с некоторым удивлением обнаружил, что куклы на привычном месте нет. И вышел в коридор, надеясь, что мое зубастое чудовище не наводит опять шорох на кухне и не гоняет горничных по дому. А когда услышал доносящиеся снизу раздраженные голоса, тяжело вздохнул и направился к лестнице.

Каково же было мое удивление, когда, заглянув в столовую, я увидел не только Мелочь, но и остальных слуг в полном составе. При этом кукла выглядела растрепанной больше, чем обычно, и сидела в дальнем углу с видом окруженного, но не сломленного бойца. Тогда как призраки встали перед ней полукругом, требовательно уперев руки в бока, а Нортидж при этом еще и строго выговаривал:

– Это никуда не годится. Ну-ка, скажи еще раз: хо-зя-ин...

– Хыс-сь! – прошипела Мелочь и сердито клацнула зубами. Кидаться на домашних я ей запретил, поэтому единственное, что оставалось загнанной в угол кукле, – это огрызаться.

– Да не так, глупая твоя голова! Хо-зя-ин! Давай, повторяй, не то мастер Рэйш будет недоволен!

– Хы-хы-хысь!

– Кошмар, – сокрушенно покачал головой дворецкий. – Никаких сдвигов. Боюсь, друзья мои, она никогда не научится.

– Тс-с-с! – сердито шикнула на него кукла, а затем негодуя застрекотала лапами. – Гыс-с! Тс-с-са-а!

– О, глядите-ка, новые звуки освоила, – обрадовалась одна из горничных.

– Ну да, – не слишком радостно согласилась вторая. – Только толку с этого никакого – она все равно слова не выговаривает. Наверное, язык слишком длинный.

– Или извилины короткие...

– Ы-ысь! – насупилась кукла, приоткрыв зубастую пасть. – Хсь ныс-с-ся!

– Ну давай, говори еще, – поторопила куклу первая горничная. – Ты ведь можешь, я знаю. А то куда это годится? Неужто тебе самой не стыдно, а?

– Хватит, – проворчала вторая. – Сколько уже можно уговаривать? Наверное, она и впрямь ничего не умеет.

– Усь! – возмущенно пискнула кукла и даже подпрыгнула над столом. – Кысь! Хось!

– Умеет, – удовлетворенно протянула кухарка. – Вишь, как задержалась. И все она прекрасно понимает... ну-ка, дайте я попробую.

После чего потянулась к ближайшему шкафу, выудила оттуда начищенный до блеска серебряный поднос и, помахав им перед носом настороженно замершей куклы, пообещала:

– Если сможешь сказать слово «хозяин», дам посмотретья.

– Уус-с-сь, – тихо, угрожающе прошипела кукла, однако на поднос уставилась с таким выражением, словно всерьез считала, что это – достойная награда за мучения.

– Сначала скажи.

– Хс-сь... хыс-с-а-а-ынс-с...

– Уже лучше, – довольно кивнула Марта, снова взмахнув подносом. – Но недостаточно хорошо. Еще раз!

Кукла раздраженно щелкнула костяшками и, наоборот, замолчала. Призраки, зачем-то вознамерившиеся научить ее разговаривать, заволновались. Я тоже не сразу понял, что происходит, но потом все-таки додумался потревожить поводок и замер, обнаружив, что единственной переполняющей Мелочь эмоцией была не злость или раздражение, а тихая обреченная тоска, граничащая с почти человеческим отчаянием.

Невольно вспомнив, как Мелочь восхищалась красивыми куклами в той лавчонке, я так же неожиданно осознал, что мой новый дух-служитель, хоть и не был живым в полном смысле этого слова, тоже умел понимать и чувствовать. Испытывать боль, радость, разочарование, страх... и вот такую слабую, похожую на детскую и совершенно не заметную постороннему глазу тоску, которая вот-вот грозила перейти в безысходность.

С досадой подумав, что упустил из виду этот момент, я распахнул двери и быстрым шагом прошел через всю столовую. Наклонившись над столом, в гробовом молчании подхватил Мелочь ладонью под брюхо. Так же молча забрал у растерянно отпрянувшей Марты поднос. Вернулся в кабинет. И, пристроив поднос на подоконнике так, чтобы в него было удобно смотреть, посадил куклу рядом.

– На. Любуйся. Больше тебя никто шантажировать не будет.

Не глядя на растерянно застывшую Мелочь, я так же быстро вышел, умылся и, только забравшись в постель, с некоторым опозданием сумел оформить в слова то странное чувство неправильности, которое ощутил сегодня в столовой.

Наши слабости – то уязвимое место, которое мы всеми силами стараемся утаить от врагов. Наши боль, страхи, сомнения и, конечно же, привычки, которые могут показаться окружающим странными или смешными. Слабости есть у всех. Так

или иначе. Но если их увидит близкий человек, он никогда не будет смеяться или тыкать пальцем в лицо. Он смолчит, даже если посчитает наши чудачества забавными. Однако когда их пытаются использовать те, кто по идее должен прикрывать нам спину... это почти что предательство. Даже по отношению к нелепой, невесте как прибившейся к нам игрушке, по какому-то недоразумению решившей назвать меня хозяином.

Уже закрывая глаза, я ощутил осторожное прикосновение к поводку и робкую, похожую на первый весенний цветок, благодарность. И такую же неуверенную признательность, которую Мелочь, кажется, переживала впервые в жизни.

Я не стал от нее отстраняться. И не стал проверять, где именно устроилась на ночь моя необычная нечисть. Только подумал, что меня в свое время от отчаяния удержала именно рука учителя. Суровая, мозолистая и умеющая очень больно ранить... но лишь благодаря ей я сумел вырваться из окружившей меня стены безумия. И выкарабкался из той непроглядной Тьмы, куда меня так безжалостно столкнули.

Глава 5

– Арт, у нас ЧП! – с ходу заявил Йен, когда я следующим утром переступил порог его кабинета.

– Какое? Неужто мальчишку-герцога все-таки прибили?

– Тьфу на тебя, не каркай, – неприятно отшатнулся Норриди, при этом едва не наворачнувшись с новенького кресла. Судя по всему, оснащение Управления шло полным ходом, потому что, помимо кресла, в кабинете наконец-то появился нормальный стол, два шкафа и даже аккуратный диванчик для посетителей. – Нет, хвала Роду, мальчишка еще жив, но его пока не нашли. Зато у нас пропал второй маг. Девушка. И тоже светлая. Корн с самого ранья разослал уведомления во все участки и велел быть предельно внимательными.

Я закрыл дверь и сел на первый попавшийся стул.

– Так. Что за девушка? Откуда? Когда пропала?

– Обычная девушка, слегка за двадцать, незамужняя. – Покопавшись в бумагах, Йен выудил оттуда бланк приказа и приложенный к нему миниатюрный портретик. – Вот она. Три дня назад представилась в Регистрационной палате как леди Мелани Крит. Цель визита в столицу – поиск работы. Леди два с половиной года назад закончила учебу в Ривонской[1 - Ривон – один из крупных городов на севере Алтории.] магической академии по специальности «воздушная магия», какое-то время работала там секретарем, но недавно уволилась и решила перебраться в Алтир. Три дня назад заселилась в одну из комнат постоялого двора под названием «Щипаный гусь», а утром к завтраку не спустилась. И на следующий день не явилась тоже. Поскольку леди оплатила комнату на три дня вперед, то хозяин не забеспокоился и решил, что постоялица подыскала себе жилье получше. А его в известность не поставила, потому что... ну, потому что с господами магами всякое бывает. Тем не менее, когда сроки оплаты вышли и надо было сдавать комнату другому постояльцу, а леди Крит так и не объявилась, ему пришлось вызвать городскую стражу и взломать дверь. Все вещи леди находились внутри, однако ее самой нигде не оказалось. Дежурный маг зафиксировал наличие следов ауры исчезнувшей коллеги, но, как и в случае с племянником герцога, вестник смерти в Орден не прилетал.

– Очень интересно, – пробормотал я, рассматривая черно-белый, явно сделанный впопыхах портрет хорошенькой девицы в недорогом, но опрятном пальто. Наверняка его создали с помощью одного из следящих кристаллов, как те, что повсюду таскали с собой наши следователи. Очень уж после них характерный след оставался – три белые полосы в углу. – Что по этому поводу говорит Корн?

– Ничего вразумительного. Но есть предположение, что это дело рук умруна. В ГУССе не исключают, что тварь могла вернуться.

Я нахмурился.

Нет, исключено – баржу и все, что находилось поблизости, я очень качественно сжег. А перед этим так же качественно избавился от тел, которые нежить хотела использовать в качестве заготовок. Вряд ли в столице имелось еще одно гнездо, хотя, конечно, проверить не помешает.

– А вообще для умруна слишком уж место выбрано неудачное, – вдруг усомнился в выводах начальства Йен. – «Щипаный гусь», если верить Сеньке, находится где-то на южной окраине Алтира. И в этом районе нет ни одного здания с повышенным магическим фоном. Так что если это и был умрун, то похитил он леди где-то в другом месте. А с учетом того, что она приезжая и вряд ли отправилась бы в одиночку гулять по незнакомым улицам, предварительно не спросив у хозяина постоянного двора дорогу, эта версия видится мне маловероятной.

– От нас требуется что-то конкретное? – снова спросил я, поискав на столе Йена другие бумаги по пропавшей девушке, но ничего не нашел.

– Нет, – покачал головой Норриди. – С делом, как мне сообщили, работают люди Корна. От нас просят лишь оказать содействие в случае, если возникнет необходимость.

– Очень хорошо, – задумчиво отозвался я. – Тем более это не наш участок... кстати, а у тебя на сегодня запланированы какие-то выезды?

Норриди уныло вздохнул.

– Нет. Все тихо, как в могиле. Никто, как ни странно, не умирал, никуда не пропадал, и никого за эти дни даже не обокрали. Скукотища.

– Тогда, если не возражаешь, я займусь своими делами.

– Переговорник возьми, – безрадостно посоветовал Йен, когда я поднялся со стула и направился к выходу. – Вдруг что-нибудь случится и ты мне срочно понадобишься?

– Если понадобится, Сеньку пришлешь.

– А вот не пришлю. У тебя там, оказывается, такие звери на воротах сидят, что я, может, не хочу рисковать жизнью сотрудников, которые попробуют до тебя докричаться. Да-да, – прищурился Норриди, когда я вопросительно приподнял брови. – Я на днях все-таки решил посмотреть, где ты теперь обитаешь, и знаешь... если б я раньше знал, что у тебя в столице такое жилье, я б, может, не

переживал, уговаривая тебя сюда переехать!

– Я сам не знал, что оно у меня есть. А звери... звери теперь мои. И я не велел им убивать посторонних до тех пор, пока те не начнут выламывать ворота или швыряться атакующими заклинаниями.

Норриди фыркнул.

– Ну и как, по-твоему, я должен выковыривать тебя из этой крепости? Флагом на обочине махать? Может, сложить руки рупором и покричать погромче?

– Я подумаю над этим, – пообещал я, надевая шляпу и открывая дверь. – А пока присылай Сеньку. Он, по крайней мере, призраков не боится. Да и голос у него довольно звонкий.

На темную сторону я перешел сразу, как только оказался на улице.

– Мелочь, ты где? – вполголоса бросил, заходя в глухую подворотню. И тут же услышал сверху тихий щелчок. – Молодец. Иди сюда. Ты мне понадобишься.

Процокав костяшками, сбросившая невидимость кукла спустилась со стены ближайшего дома, послушно запрыгнула на ладонь и уже оттуда перебралась на плечо.

– Держись крепче, – на всякий случай предупредил я, а когда она вцепилась в воротник, создал темную тропу.

Раньше, беря куклу с собой, я делал лишь одиночные и короткие прыжки во Тьме, поскольку сомневался, что Мелочь хорошо переносит прямые тропы. Но даже после череды затяжных прыжков кукла никуда не свалилась, не потерялась и не сломалась. А когда я сделал небольшой перерыв, лишь уважительно прищелкнула костяшками и снова вцепилась в меня клещом.

За последние пару недель я поставил в Алтире более сотни меток в местах наибольшего скопления магии. Преимущественно на крышах, конечно, потому что оттуда открывался хороший обзор. На то, чтобы проверить их все, я угробил весь день и большую часть вечера, вымотавшись так, что едва стоял на ногах.

Зато доподлинно выяснил, что границу между мирами никто в приметных местах не тревожил, а значит, версию с умруном можно было считать несостоятельной.

Когда рабочий день закончился, народ разбрелся по домам, а большинство начиненных магией вещиц, которые горожане носили в сумочках и под одеждой, перестали маячить у меня перед глазами, работать во Тьме стало намного сподручнее. Расцвеченная артефактами и прочими магическими излишествами темная сторона выглядела, конечно, привлекательнее, чем раньше, но переизбыток цвета порой мешал. Как и мельтешащие по улицам размытые силуэты. Поэтому ближе к вечеру я заглянул домой – отдохнуть и переодеться, а когда на город спустилась ночь, снова вышел на охоту.

Привлекать к себе внимание не хотелось – мало ли кого Корн отправил патрулировать город ночью? Мелочь, опять же, светить было нельзя. Поэтому, чтобы не отвечать на неудобные вопросы, я заранее избавился от приметной шляпы, закрыл лицо маской полностью, позволил проявиться сотканному из Тьмы доспеху и только после этого отправился на охоту.

В дом герцога Искадо я соваться не стал, небезосновательно полагая, что незаметно преодолеть стоящую там защиту мне не удастся. К тому же люди из спецотдела и сотрудники ГУССа наверняка облазали там все вдоль и поперек, да еще и не по одному разу. Поэтому первым делом я решил отправиться не в Белый квартал, а на южную окраину Алтира. Взглянуть поближе на место, откуда исчезла леди Мелани Крит.

Найти «Щипаного гуся» оказалось несложно – заведение располагалось всего в половине свечи пешего ходу от южных ворот и наилучшим образом подходило для малообеспеченных, не слишком привередливых чужаков, которым надо было где-то остановиться на пару дней. Чистый опрятный двор, с умом расположенные подсобные помещения и выделенная леди комната на втором этаже произвели на меня приятное впечатление. Внутри, чтобы не тревожить оставленную коллегами магическую защиту, я заходить не стал, однако через темную сторону не преминул оглядеть небогатую обстановку, благо обилие дыр в стенах позволяло это сделать.

Судя по тому, как лежали вещи, девушка благополучно заселилась, успела разложить в шкафу вещи и даже оставила возле умывальника баночку жидкого мыла, из чего можно было заключить, что быстро съезжать она не планировала.

Единственная постель в комнате оказалась разобрана, как если бы магичка готовилась ко сну. Однако простыня выглядела практически не смятой, словно леди Крит все же успела забраться под одеяло, но вскоре что-то заставило ее подняться и покинуть постоялый двор. Молча. Никого не предупредив. Но без особой спешки и исключительно своими ногами, потому что следов борьбы я ни на темной стороне, ни в реальном мире (для чего пришлось заглянуть в окно) не увидел.

Самое интересное заключалось в том, что, судя по стоящим у комода ботинкам, девушка ушла босиком. И, вероятно, в ночной рубашке, потому что ее хоть и не новое, но неплохо пошитое платье на пару с теплым плащом так и остались висеть у входа. Для юной магички это было нетипично, неправильно и нелогично. Так что Корн не зря поднял тревогу – с учетом того, что это уже второе необъяснимое исчезновение, с ним и впрямь было что-то неладно.

А вот следов чужой магии я не нашел. Ни в комнате, ни в коридоре, ни во дворе темная сторона не несла на себе отпечатков присутствия постороннего мага. Как не было в ней других подозрительных следов, которые указали бы на похищение. Но если леди ушла сама, то кто или что заставили ее это сделать?

Обойдя окрестности постоялого двора в третий раз, в конце концов я был вынужден признать, что не знаю ответа на этот вопрос. Потому что если девушка ушла своими ногами, то после нее должны были остаться следы. А мостовая на темной стороне выглядела так, словно госпожа Мелани Крит никогда на ней не появлялась. И это было более чем странно, потому что приехала она сюда именно по этой улице. И не оставить магически определяемых отпечатков по определению не могла.

Собственно, ввиду их отсутствия я даже ищейкой не сумел поработать. Не с чем оказалось работать – ни единого следа, на который можно было бы встать. И это тоже было очень странно.

– Мелочь, как у тебя с нюхом? – наконец нашел я приемлемый выход из ситуации. – Сможешь определить, куда ушла наша жертва?

Кукла спрыгнула на пол, проворно обежала комнату по периметру и, остановившись у окна, которое в реальном мире оказалось закрыто изнутри на щеколду, издала непонятный горловой звук. Поводок в это же самое время

передал охватившее Мелочь сомнение, словно и для нее отсутствие следов было внове. Однако вскоре она завертелась на месте, словно стрелка компаса в поисках направления. Тихонько поцокала, щелкнула пару раз костяшками. И наконец устремилась к двери, а оттуда вниз по лестнице и на улицу, где почти сразу свернула в подворотню и стремглав помчалась по узкому переулку.

Не рискнув создавать тропу в незнакомом месте, я кинулся следом, ориентируясь исключительно на поводок, но бежать, как ни странно, далеко не пришлось. Не успел я как следует разогнаться, как Мелочь свернула еще в один переулок, запрыгнула на стену одного из домов, а затем посоветовала резко затормозить и посмотреть себе под ноги.

Сжав в ладони древко материализовавшейся секиры, я остановился. Нашел под стеной две крохотные черные лужи, в которых пропавшая девушка даже при желании не смогла бы утонуть. После чего услышал настороженное пощелкивание сверху, вскинул голову и оторопел: между домов на высоте почти двух человеческих ростов висела кукла... конечно же, моя. Чья еще? Более того, она вновь находилась под тем же щитом невидимости, о котором я думал со все возрастающим интересом. А увидел ее я лишь потому, что Мелочь за что-то зацепилась. И теперь мерно раскачивалась на таких же невидимых качелях, заставив меня на всякий случай отступить.

Мне понадобилось время, чтобы настроить линзы и хотя бы примерно понять, на чем именно сидела неугомонная кукла. Это было похоже на застрявший на бельевой веревке клок длинных, нещадно спутавшихся волос. Или же остатки тончайшей, почти прозрачной паутины, которую любовно сплел, а затем почему-то порвал на мелкие лоскуты большой, но слегка неадекватный паук.

В какой-то момент мне показалось, что щит Мелочи и структура паутины имеют сходную природу. По крайней мере, пространство над ними дрожало и переливалось совершенно одинаково. Однако, присмотревшись так и этак и пару раз коснувшись секирой свисающей почти до земли бахромы, я наконец сообразил, что это такое. А сообразив, не особенно удивился тому факту, что в густонаселенном Алтире обитают не только умруны и моргулы, но и такие неприятные твари, как вампиры.

Как и демонов, вампиров относили к высшей нежити, только в отличие от своих старших братьев эти твари предпочитали не атаковать добычу в лоб, а подстерегали ее из засады. Для этого у вампиров имелась ловчая сеть, с

помощью которой они захватывали подходящего человека; невероятное чутье, позволяющее находить добычу на огромном расстоянии; длинные щупальца и способность паразитировать на чужой ауре, вытягивая из нее все соки до тех пор, пока жертва не умирала от истощения.

Поскольку вампиры – очень слабые духи, то в качестве добычи им подходила далеко не каждая аура. За здорового человека с уравновешенной психикой им было почти невозможно зацепиться. А вот если на пути попадался убитый горем старик или подавленная изменой возлюбленного девушка... внезапно осиротевший мальчишка или еще кто-то, кому нанесли тяжелую душевную травму... вот тогда для тварей наступало время долгожданной охоты. И в этом им очень помогали разбросанные вокруг логова сети, которые умели цепляться бахромой за поврежденные ауры и, разматываясь, словно бабушкин клубок, указывали хозяевам, кем можно поживиться.

Будучи осторожными настолько, насколько вообще себе могли позволить паразиты, вампиры предпочитали нападать на одиноких, умирающих или глубоко несчастных людей. И научились делать это настолько виртуозно, что жертва и понятия не имела, что стала объектом охоты. Но если кто-то начинал подозревать неладное и в доме обреченного появлялся маг, то вампир моментально сворачивал щупальца и бесследно исчезал, так что целитель чаще всего не обнаруживал ничего подозрительного. Ничего, кроме физического и морального истощения, которое вполне можно было объяснить естественными причинами.

Казалось бы, в чем беда, если вампиры обитают на темной стороне, а их жертвы – в обычном мире?

Но эту разновидность тварей не зря отнесли именно к высшей нежити – вампиры были достаточно умны, чтобы скрывать свое существование, и, как все высшие, умели выходить в наш мир. Пусть не целиком, как умрун, пусть не с помощью призыва, как демоны... но бахрома их сетей была настолько тонка, что могла находиться и в том и в другом мире одновременно. И если уж она, мимолетно коснувшись, получала шанс вцепиться в чью-то ослабленную ауру, то вырвать ее оттуда без помощи мага было уже невозможно.

Правда, та ловчая сеть, которую обнаружила Мелочь, оказалась порвана, почти лишилась бахромы и с легкостью распалась на две части, едва я провел по ней лезвием секиры. Произойти это могло лишь в двух случаях: либо создавший ее

вампир был мертв, либо вблизи его логова поселилась более опасная тварь, с которой паразит не рискнул конкурировать.

Оба варианта не сулили городу ничего хорошего. Но прежде чем что-либо предпринимать, я решил разобраться с еще одним важным делом и, свистом подозвав Мелочь, велел ей снять невидимость.

Кукла приказ послушно исполнила, позволив рассмотреть себя со всех сторон. Затем снова набросила щит, необъяснимым образом исчезнув. Некоторое время после этого она по моей просьбе буквально мерцала, то появляясь, то пропадая из виду. До тех пор, пока я не сообразил попросить ее делать это помедленнее и не отрегулировал линзы так, чтобы в подробностях наблюдать этот завораживающий процесс. Для лучшего видения пришлось настроить их так, чтобы местность вокруг максимально состарилась. Только тогда я обнаружил, что Мелочь не исчезает в полном смысле этого слова, а словно растворяется в окружающей нас Тьме. Вернее, это Тьма сперва расступается, как накатывающиеся на утес черные волны, а затем снова смыкается вокруг куклы, омывая ее со всех сторон и накрывая волнами, словно куполом.

– Тьма многослойна... – с опозданием вспомнил я слова отца Гона. – Бездна меня заberi! Она многослойна в буквальном смысле слова!

Я чуть не сплюнул с досады, только сейчас в полной мере осознав, почему, оказавшись на темной стороне, маги так по-разному ее воспринимают.

Да мы просто живем на разных ее уровнях! Барахтаемся, как дети в воде, даже не подозревая, насколько это в действительности опасно! Кто послабее и поосторожнее, обычно держится ближе к поверхности и, само собой, ближе к берегу. Кто посмелее, наоборот, любит заплывать подальше. А самые дерзкие рискуют погружаться совсем уж в глубокие воды. Туда, где Тьма гораздо темнее, гуще и во много раз холоднее.

Именно там, у дна, скрываются самые крупные, неповоротливые и жуткие твари, о существовании которых многие из обитателей суши даже не догадываются. Когда океан спокоен и добычи внизу хватает, гигантским монстрам не надо подниматься на поверхность – им и так хорошо. Но если пищи внизу становится меньше или если над сонной тварью появляется косяк жирной сельди, искушение порой оказывается так велико, что она все-таки всплывает на

поверхность. И вот тогда океан бурлит и волнуется. Застигнутая врасплох сельдь бросается врассыпную, но гигантская пасть выныривает из воды и чаще всего захлопывается до того, как беспечная рыба успевает сбежать.

Порой, стоя на берегу, мы даже видим, как это происходит. А иногда глубинным монстром может оказаться не безобидный кит, а почуявшая запах крови гигантская акула. И горе тому магу, кто решит неподготовленным нырнуть на глубину или самонадеянно позабудет про главное правило выживания на темной стороне.

– Мы охотимся лишь на тех, кого можем увидеть, – прошептал я, ненадолго прикрыв глаза. – Но это не значит, что на нас не нападет тот, кого мы видеть не способны!

Так вот почему моргул показался мне недостаточно материальным – мы просто находились с ним на разных глубинах! До тех пор, пока его тело было погружено во Тьму больше, чем мое, я не мог до него дотянуться! Но как только он поднялся на мой уровень, мы стали друг для друга одинаково уязвимы! По этой же причине Хокк не сумела толком разглядеть умруна! Находясь на более глубоком слое, он выглядел для нее смутной тенью, тогда как для меня был настоящим, живым. Поэтому же и я виделся ему намного более перспективной и аппетитной добычей, чем неожиданно растерявшаяся магичка!

Это также объясняло тот факт, что я смог без особого труда продемонстрировать отцу Гона свое видение темной стороны, хотя для жреца этот уровень был по определению недоступен. Святой отец, в свою очередь, сумел подтянуть меня вверх, показав мне свой собственный уровень. И тем самым намекнул, что не обязательно все время проводить на глубине!

Я, болван, сразу не смог понять истинного смысла этого удивительного открытия, но сейчас до меня наконец-то дошло. Ведь возможность свободно перемещаться на разных слоях Тьмы означала, что темные маги, как самые обычные ныряльщики, способны не только определять, но и менять глубину своего прыжка! Проще говоря, если я научусь правильно чувствовать уровень, на котором находится коллега-маг, то смогу подстроиться под него! Сместиться немного глубже или, наоборот, подплыть ближе к поверхности, чтобы не утягивать его за собой и не менять его видение мира! Это избавит меня от огромного количества проблем. Даст возможность свободно перемещаться по темной стороне и пользоваться всеми ее преимуществами. А еще позволит не

только нормально существовать в переполненном магами городе, но и сведет к минимуму риск обнаружения Мелочи!

– Оказывается, от тебя гораздо больше пользы, чем я думал, – прищурился я, взглянув на удивленно замершую куклу. – Подсказка дельная, молодец. Осталось только научиться ею пользоваться.

Глава 6

Уставший маг – легкая добыча для нежити, поэтому я не стал задерживаться во Тьме надолго. Не обнаружив поблизости от постоянного двора других сетей, я вернулся домой и завалился спать, традиционно посчитав, что утро вечера мудренее. Правда, уже перед уходом Мелочь задержалась возле одного из домов и всем видом продемонстрировала, что с ним не все ладно. Но я, как ни старался, так и не понял, что именно она хотела показать, поэтому решил вернуться сюда позже. После того как научусь нырять на ту же глубину, что и кукла.

Поскольку на следующий день Йен не прислал посыльного с просьбой явиться на работу, то экспериментировать я решил здесь же. Прямо у себя дома, рассудив, что раз тут стоит хорошая защита, то нечего и судьбу искушать. К тому же рядом с особняком меня точно никто не будет ждать во Тьме, а если что и случится, то без помощи я не останусь.

Выйдя на задний двор и вместе с Мелочью нырнув на привычный для себя уровень, я довольно долго пытался призвать Тьму и заставить ее пропустить меня глубже. Нет, сама она послушно откликнулась на зов, даже собиралась в плотное облако, в котором я, как в коконе, по идее должен был плавно опуститься на желаемую глубину. Однако дальше этого дело не пошло – меня словно не пускало что-то. Выталкивало, как только я ощущал, что вот-вот провалюсь. Какой-то дурацкий барьер, стоящий между мной и очередным слоем. И я, промучившись все утро, так и не сумел его преодолеть.

– Может, вам просто рано туда заходить, хозяин? – деликатно заметил Нортидж, когда я сел на крыльцо и задумчиво подпер рукой подбородок. Мелочь растерянно топталась на месте, не зная, как мне помочь. – Говорят, чем дальше

во Тьму, тем меньше в маге должно остаться живого.

– Во мне его и так немного. Нет, дело в чем-то другом.

– Может, в защите? – тихонько предположила высунувшаяся из окна горничная.

Я собрался было отмахнуться, но потом с удивлением обернулся:

– Что ты сказала?

– Защита, господин, – ужасно смущаясь, напомнила девушка-призрак. – Мастер Рэйш поставил ее так, чтобы она закрывала дом и с темной стороны тоже. Ну, чтобы твари не смогли подобраться к нам ни сверху, ни снизу... может, вы не можете пройти дальше, потому что это она вас не пускает?

– Как тебя зовут? – резким движением поднялся я.

Служанка неловко опустила глаза.

– Шейла, господин. А мою сестру – Вея. Это она вспомнила про защиту.

– Вы обе умницы, Шейла. Спасибо.

– Только далеко от дома не отходите, – заволновался дворецкий, когда я поднялся и решительно двинулся к ораде. – Хозяин, собаки смогут защитить вас только в пределах трех шагов от границы!

– Я помню. Мелочь, идем.

Кукла послушно соскочила с крыльца и шмыгнула через границу. А когда следом за ней из-под прикрытия магического щита вышел и я, она юркнула мне в ноги, устроилась между сапогами, после чего задрала голову, подняла верхнюю пару лапок и демонстративно подпрыгнула. Раз, другой... будто хотела провалиться под землю.

– Я понял, – кивнул я. – Чтобы попасть на нижний уровень, мне надо утонуть. Но тебе стоило раньше сказать, что я болван и что в хорошо защищенном пространстве попросту невозможно провалиться глубже.

Мелочь неловко отвернулась. А я прикрыл глаза, выпустил на свободу Тьму и, окутавшись ею наподобие кокона, коротко велел:

– Вниз.

На этот раз барьера я не почувствовал, но и той легкости, с которой раньше доводилось уходить на привычный для себя слой, не осталось и в помине. Я погружался с усилием, буквально чувствуя, как продавливаю собой, буквально продираюсь сквозь внезапно загустевшее пространство. А оно вместо того, чтобы расступиться, упорно сопротивлялось, из-за чего создавалось впечатление, что я тонул в вязком киселе, который к тому же оказался до безобразия холодным.

Нечто подобное я уже испытывал, когда нырял в каверну под Старым мостом. Но сейчас холод стал почти непереносимым. Пожалуй, если бы я ухнул в «кисель» сразу, как в полыню, это было бы легче перенести, чем вот так, постепенно, погружать в ледяную воду сперва ноги, потом спускаться туда по пояс, по грудь. И наконец провалиться по самое горло, терпеливо ожидая, когда же безумный холод поглотит меня с головой.

Наконец под ноги толкнулось что-то твердое, и Тьма так же неохотно расступилась, позволив мне совершить судорожный вдох и исторгнуть изо рта густое облачко пара.

На этом слое и впрямь оказалось холодно. Намного холоднее, чем я привык. От жуткого мороза не спасала ни одежда, ни броня. Гуляющий повсюду ледяной ветер выдувал тепло практически мгновенно. А еще здесь было темно... в смысле, темно совсем. Как в гробу. Правда, темнота напрягала меня ровно до тех пор, пока я не вспомнил про линзы и не убрал их, открывая вид на изначальную Тьму.

На этом слое Алтир выглядел совсем иначе, чем наверху. От зданий остались лишь небольшие холмики, покрытые смерзшейся, укрытой слоем искрящегося снега земли. Ни нормальных стен, ни фундамента, ни крыш... вернее, они были –

такие же обгоревшие и полуразрушенные, как и раньше, – но теперь почему-то выглядели прозрачными. Вернее, призрачными. Из-за чего создавалось впечатление, что ты стоишь посреди огромного кладбища, только в могилах лежали не человеческие останки, а дома... целые кварталы, от одного вида которых становилось не по себе. При этом между зданиями виднелись протоптанные кем-то дорожки, в основе которых, вероятно, сохранились останки мостовых, а тут и там из-под снега выглядывали огромные трещины, глубину которых я откровенно затруднился определить.

Со скрипом сжав и разжав кулаки, я даже сквозь перчатки ощутил, как от холода онемели пальцы. Все тело задубело, словно я как минимум пару свечей простоял на сильнейшем морозе. Губы потрескались. Кожа покрылась ледяными кристалликами. А на бровях и ресницах выступил густой слой инея, как у Тори, когда я случайно затащил парня на слишком большую для него глубину.

Наверное, он чувствовал себя точно так же, оказавшись в привычном для меня мире. Комфортный для него уровень лежал намного ближе к поверхности, поэтому на моем ему было плохо и, пробудь мы там немного дольше, парень вполне мог замерзнуть до смерти. Но, несмотря ни на что, у юного мага все-таки хватило выдержки, чтобы остаться. А значит, хватит и у меня. Надо было лишь дать себе время привыкнуть.

Неожиданно внизу что-то завозилось, и из слежавшегося сугроба с сердитым фырканьем высунулась Мелочь. Судя по густому слою инея на кудряшках, ей тоже было неуютно, однако двигалась она не намного медленнее, чем обычно. Да и оглядывалась по сторонам вполне уверенно. Правда, едва взглянув на меня, кукла обеспокоенно застрекотала, а затем забегала по снегу, то и дело взмахивая передними лапами и всем видом показывая, что мне пора всплывать.

– Да, – прошептал я, чувствуя, что скоро околею. – Хорошего понемногу...

После чего снова призвал Тьму и, ухватившись за нее, как за плечо верного друга, с неимоверным усилием вынырнул... можно даже сказать – вырвался на предыдущий слой. Который после лютого мороза показался мне восхитительно теплым, а сухой, кажущийся раскаленным воздух я глотнул с таким наслаждением, словно это был божественный нектар.

– Хозяин, что с вами?! – тревожно вскрикнул Нортидж, когда я с хрустом согнул обледеневшие колени и медленно завалился на бок. – Господин?! Мастер Рэйш!

– Хсь! – вторила ему нервно приплясывающая рядом кукла. – Хы-ысь?! Хы-ы-ыся!

Я вместо ответа лишь клацнул зубами и только теперь ощутил, насколько же в действительности замерз. Меня била крупная дрожь. Успевший образоваться на броне ледок испарялся с едва слышным шипением. Пробравшийся под кожу холод все еще жадно грыз внутренности и колот изнутри тысячами мелких иголок. Но это ж какая температура должна быть внизу, если даже я не сумел продержаться там дольше пары мгновений?!

– Хозяин! Хозяи-и-ин! – окончательно всполошился Нортидж, и следом за ним к ограде бросились тревожно повизгивающие собаки. – Мардж, ты где?! Ему срочно нужна помощь!

Надо же... Здесь, на темной стороне, духи были почти реальны, но именно сейчас я с удивлением ощутил, что мои призрачные псы все-таки живые, теплые. А когда они прижались сразу с двух сторон, пытаюсь согреть непутевого хозяина своим собственным дыханием, мне наконец-то стало хорошо. И почему-то подумалось, что тепло... оно ведь бывает не только физическим, но и душевным. И именно оно согревало меня сейчас лучше всяких одеял.

А еще я так же неожиданно вспомнил одну важную вещь, которую успел увидеть на нижнем слое, – там, рядом с холмом, что находился под нашим домом, я не увидел никого живого. Ни слуг, ни собак, хотя Нортидж в первую встречу уверял, что они способны существовать в обоих мирах. Получалось, что только до определенного уровня? Но что самое удивительное, вокруг особняка не было магической защиты. А это значило, что мастер Этор не смог или же не успел ее поставить. И ставить ее придется мне, если, конечно, я хочу себя обезопасить.

– Все в порядке, – хрипло выдохнул я, когда почувствовал, что снова могу говорить, и успокаивающе махнул слугам, чтобы не суетились. – Хватит. Не мельтешите. Сейчас до конца оттаю, и можно будет попробовать еще разок.

– Какое «еще разок»?! – схватился за голову Нортидж, а примчавшийся на крики садовник одарил меня укоризненным взглядом. – Хозяин, вы в своем уме?! Кто ж

вас оттуда вытащит, если вы совсем окоченеете?!

– Как кто? Мелочь, конечно.

Нортидж покосился на куклу с явным сомнением. Я же, собравшись с силами, все-таки встал с земли и, протянув Мелочи руку, с улыбкой добавил:

– Она сможет. Она способная. Да?

– Дсь! – подтвердила та, ловко запрыгивая на ладонь.

– Вот и отлично. Кстати, скажи-ка, Нортидж, а насколько хорошо ты меня сейчас видел?

– Ни насколько, – насупился дворецкий, а садовник быстро-быстро помотал головой. – Вас вообще было не видеть. Даже в магическом плане. Как сквозь землю провалились оба. Но если вы считаете, что ради невидимости стоило так рисковать...

Я благодарно потрепал Грозу по холке.

– Очень даже стоило. Так что давай, зови Марту – пусть разогревает обед. Я снова проголодался. А потом надо будет еще разок сходить на нижний уровень и постараться побыть там чуточку подольше.

* * *

В этот день я еще не раз спускался на нижний уровень под неодобрительными взглядами слуг. Однако очень быстро понял, что просто так привыкнуть к безумному холоду не получится – на это уйдут годы, как в мою бытность учеником. Быть может, целые десятилетия, но у меня не было столько свободного времени, поэтому пришлось изобретать другие способы выжить.

Наращивание брони помогло увеличить время нахождения на нижнем слое, особенно после того, как я закрыл голову глухим шлемом и почти перестал дышать. Из обычного мира перемещаться туда оказалось крайне опасно – резкий

контраст между теплом мира живых и безумным холодом мира мертвых в несколько раз ускорял процесс замерзания, так что я едва не сдох, когда опробовал этот способ. А вот плавное соскальзывание из соседнего слоя получалось проще всего. И задержаться внизу я мог немного дольше, поскольку, тело успевало хоть как-то перестроиться и начать готовиться к экстремально низким температурам.

Над тем, как ускорить этот процесс, я ломал голову до самого вечера. Но идея, как обычно, осенила меня совершенно неожиданно. И была проста как подоконник: раз уж я не могу согреться на темной стороне с помощью одного слоя брони, то кто мешает создать два? Или три? Кто мешает надеть их один на другой так же, как мы одеваем детей в сто одежек в морозы? Слои же необязательно должны быть толстыми – достаточно, чтобы между ними оставалась узенькая прослойка тепла. А затем еще одна. И еще... Осталось только сбегать на темную сторону и прикинуть, сколько слоев понадобится нарастить, чтобы больше не умирать от холода.

Путем проб и ошибок где-то к полуночи я выяснил, что для более или менее комфортного пребывания на нижнем уровне мне понадобится пять полноценных слоев брони. Когда их становилось больше, шлем получался слишком толстым, и обзор сокращался до неприемлемого расстояния. А если меньше, то находиться внизу дольше трех ударов сердца я был просто не в состоянии. В том плане, что моргать еще получалось, а вот нормально двигаться и махать секирой, увы, нет.

К сожалению, на вопрос, почему на нижнем уровне не работали линзы, ответа я так и не нашел. Однако по большому счету в них не было необходимости – стоя на дне, я был абсолютно невидимым для тех, кто находился выше. А вот то, насколько они оставались достигаемыми для меня, еще требовалось проверить. Ведь умрун каким-то образом видел Криса и Хокк, так что, скорее всего, живых с этого уровня распознать все-таки было можно. Хотя, возможно, не всех и не всегда.

А еще неожиданно выяснилось, что визиты на нижний уровень сжирали мои резервы с устрашающей скоростью. Если на привычном слое я мог пребывать целыми сутками, то максимум, что я сумел добиться сейчас, – это шестая часть свечи, если считать в реальном мире. После чего на меня напал такой жор, что я в один присест уничтожил все запасы обомлевшей от восторга кухарки и был готов сожрать хоть подошву от сапога, лишь бы заглушить обуявший меня звериный голод.

– Надо бы еще накопительных амулетов прикупить, – озабоченно пробормотал Нортидж, когда еды на кухне не осталось. – Так вы будете быстрее восстанавливаться, хозяин. А еще лучше – с собой их брать, чтобы восполнять силы по мере того, как Тьма их съедает.

– Разве на темной стороне не опасно пользоваться магией? – осторожно уточнила Марта, убирая со стола посуду.

Я задумчиво поскреб подбородок.

– Вообще-то на нижнем слое я не заметил следов магии. Ни вокруг нашего дома, ни около соседних, хотя защита там стоит ого-го... так что не исключено, что на этом уровне она вообще не работает. Или работает, но не оставляет следов.

– Вы опять хотите туда отправиться и проверить? – неожиданно насторожился Нортидж.

Я зевнул.

– Конечно. Но не сегодня.

– Вот и правильно, – поддержала меня кухарка. – Спать давно пора, мастер Рэйш. А у вас еще Мелочь не кормленная.

Я удивленно поискал глазами куклу и нашел ее на соседнем столе, возле старательно начищенного чайника. Маленькое чудовище задумчиво перебирало разлохматившиеся кудри и осторожно трогало нарисованное лицо. Причем чем-то оно, похоже, Мелочь не устраивало, потому что через некоторое время кукла метнулась к очагу и, окунув костяшку в золу, принялась старательно подводить глаза. Причем после каждой черточки она придирчиво изучала отражение, после чего раздраженно стирала нарисованную линию, а затем бежала за очередной порцией сажи и начинала все заново.

Потом она занялась чисткой лапок, став невероятно похожей на прихорашивающуюся муху. Она точно так же разгибала каждую конечность, зачем-то вытягивала ее, снова сгибала. После чего выдавливала из пасти капельку густой, но абсолютно прозрачной слюны и быстро-быстро втирала в

сочленения между костяшками.

Пожалуй, именно тогда я впервые задался вопросом – а что же в действительности представляет собой это создание? И чем именно оно питается? Судя по зубам, Мелочь должна быть хищной. Однако я ни разу не видел, чтобы она пожирала нежить или смотрела голодными глазами на людей.

Безусловно, какую-то энергию она получала от меня. Вернее, от перстня. Скорее всего, этого хватало, чтобы нормально существовать, но вряд ли куклу изначально задумывали такой мелкой и неказистой. К тому же пусть не физически, но хотя бы в плане разума она действительно развивалась. И если предположить, что ее создавали в качестве защитника, то могло ли быть так, что Мелочь способна стать чем-то большим, чем обычная кукла?

Перейдя на темную сторону, я по-новому взглянул на своего духа-служителя, и Мелочь, почувствовав мой взгляд, немедленно обернулась. За целый день, что мы провели вместе, наша связь заметно окрепла, и мне больше не надо было тревожить поводок, чтобы уловить эмоции куклы: досаду, едва уловимое раздражение и необъяснимое разочарование, которое она испытывала всякий раз, когда видела собственное отражение.

– Что же тебе в себе не нравится? – задумчиво проговорил я, глядя на быстро отвернувшуюся куклу. – Думаешь, с твоим отражением что-то не так?

Мелочь тревожно переступила лапами, но не обернулась. И она явно чувствовала неловкость оттого, что ее застали за столь неподобающим занятием.

– Иди-ка сюда, – позвал я и протянул руку. А когда досадливо фыркнувшая кукла на нее запрыгнула, так же задумчиво добавил: – Чем ты должна питаться, чтобы нормально расти?

Мелочь замерла.

– Да и как ты сможешь меня защитить, оставаясь такой маленькой?

– Рсь, – вдруг тихонько выдала она, подняв голову. – Р-р-рсь!

– Значит, все-таки будешь расти? – догадался я, а призраки удивленно переглянулись.

– Дсь! – встрепенулась кукла и дважды щелкнула костяшками, чтобы показать, что я правильно ее понял.

– Чего же тебе для этого не хватает?

– Артсь!

– Чего? – изумился я.

– Ар-ртс-с! – старательно вытянув губы трубочкой, повторила Мелочь и очень осторожно тронула меня за палец. – Артс!

Я озадаченно крикнул.

– Не понял. Почему это должно зависеть от меня?

– Всь, – тяжело вздохнула кукла, после прыгнула на стол, а затем тыкнула кончиком костяшки в мою ладонь и изобразила передними лапами нечто невразумительное. – Огсь!

– Огонь? – еще больше удивился я, а потом наконец сообразил, что она имела в виду. – Вот этот огонь тебе нужен, чтобы повзрослеть?!

На моей ладони расцвел черный цветок, а Мелочь радостно дрогнула.

– Дсь!

– Хозяин, я бы на вашем месте поостерегся кормить ее чистой Тьмой, – тихонько заметил Нортидж, когда кукла утробно заурчала и с жадностью уставилась на пляшущий перед ее глазами огонь. – Обычные духи-служители не нуждаются в дополнительной подпитке.

– Ты прав, – медленно проговорил я, и Мелочь моментально сникла. Ее голова опустилась, кудряшки уныло обвисли, после чего до меня донеслась волна уже знакомой тоски, которая вскоре сменилась обреченным смирением. – Но видишь ли, в чем дело... мне кажется, Мелочь способна на большее. А мастер Этор всегда говорил, что даже слабому ученику стоит дать хотя бы один шанс. Так что на. Держи.

Кукла изумленно дрогнула, когда от моей ладони отделился крохотный комочек Тьмы и завис у нее перед глазами. Неверяще вскинула голову, уставилась на меня долгим-предолгим взглядом. Наконец вытянула длинный язык, слизнула драгоценный подарок, после чего с довольным урчанием взобралась на мою ладонь, где свернулась клубком, обняла сразу четырьмя лапами большой палец и затихла, напоследок выдохнув едва слышно:

– Спсь!

Хмыкнув, я с интересом оглядел свое погрузившееся в подобие спячки чудовище. Но Мелочь не отреагировала ни когда я встал из-за стола, ни когда поднялся в кабинет, уложив ее рядом с подносом. Только пробормотала что-то неразборчивое и, окутавшись небольшим черным облачком, уснула еще крепче, оставив меня гадать, во что же она когда-нибудь превратится.

Глава 7

Следующим утром я по привычке заглянул в Управление, чтобы узнать последние новости. И изрядно удивился, обнаружив, что на нашей половине царит нездоровое оживление, а сотрудники носятся из кабинета в кабинет с воодушевленными лицами и что-то бурно обсуждают. При этом немалая часть коридора оказалась завалена пустыми коробками, скомканной бумагой, однако никому не было никакого дела до образовавшегося бардака.

– Что у вас произошло? – любопытствовал я, заглянув в кабинет Йена. – Отчего твои сотрудники такие взбудораженные, да еще отказываются пояснить, в чем дело?

Норриди, стоявший возле стола спиной к двери, медленно обернулся и воззрился на меня с престранным выражением.

– Да вот... оборудование новое получили. Народ просто радуется.

– Хорошее хоть оборудование? – уточнил я, снимая шляпу и плащ.

– Похоже на то.

Я внимательно посмотрел на друга, но тот не выглядел сильно обрадованным. А когда я вопросительно приподнял одну бровь, молча интересуясь причинами, Йен отошел от стола и махнул в сторону зависшей над столешницей стеклянной сферы наподобие той, что я видел в Регистрационной палате. Только раза в три больше.

– Ого, – удивился я, подходя ближе и рассматривая мерцающий перед сферой полупрозрачный экран, на котором строчка за строчкой выводились какие-то циферки. – Отличное приобретение, Йен! Поздравляю.

– Спасибо, – замедленно кивнул Норриди. – Теперь у нас есть удаленный доступ к главному архиву Управления алтирского сыска, и больше никому не придется мотаться туда всякий раз, когда понадобится поднять какое-нибудь старое дело. Здорово, да?

– Еще бы, – был вынужден признать я, когда Норриди ткнул в сферу пальцем и назвал мое имя, а над ней развернулось второе окно, где красивыми ровными буквами вывелась вся информация, что имелаась на меня в Управлении. Начиная с данных, которые я сообщил в Регистрационной палате, и заканчивая отчетами с предыдущего места работы и даже результатами моей проверки в столичном представительстве Ордена магов. – Похоже, тебе теперь вообще никуда ходить не потребуется – вся база на жителей и гостей Алтира у тебя на столе. И старые дела тоже доступны. А то, может, и сведения из обычных архивов, которых в столице с некоторых пор целых два. Если не секрет, чем ты подкупил Корна, что он расщедрился на такую роскошь?

Йен неожиданно скис.

– Это не я.

– Так. Тогда кому же мы обязаны этим королевским подарком?

Норриди тяжело вздохнул и достал из стола уставленный целой кучей печатей приказ.

– На, полюбуйся.

Забрав у него бумагу, в самом верху которой красовалась гордая фраза «Приказ о поощрении», я вполголоса прочитал:

– «За проявленное мужество, отвагу и несомненный героизм сотрудников западного Управления алтирского городского сыска приказываю вынести личную благодарность... – далее перечислялись имена подчиненных Йена, за исключением моего и Сеньки, – с занесением в личное дело».

Ниже шла неразборчивая подпись, в которой я с немалым трудом опознал имя Нельсона Корна, под ней – печать главного алтирского сыскного Управления, при виде которой я невольно присвистнул. А еще чуть ниже чьей-то рукой было аккуратно приписано: «Заявку на новое оборудование удовлетворить». И дата – позавчерашнее число.

– Йен, вы что, короля успели спасти, пока мы гонялись за умруном?! – озадаченно спросил я, подняв на друга непонимающий взгляд.

– Хуже, – мрачно отозвался Норриди и, покопавшись в столе, протянул еще одну бумагу. Правда, на этот раз не такую пафосную. – Читай. Только не вздумай ржать.

Все еще недоумевая, я послушно взглянул на бумагу.

– «В главное столичное сыскное Управление, уважаемому господину Нельсону Корну от миледи Ильзы Муэры»... что?!

– Она отправила в ГУСС официальное письмо, – деревянным голосом подтвердил Норриди. – С благодарностью. И Корн так же официально переадресовал его

нам. Вместе со сферами.

– А ты указал в отчете, откуда и каким именно образом тебе удалось добыть «алторийскую лилию»?!

– А ты разве не видел, что этот гад написал в приказе? «За проявленное мужество, отвагу и героизм»...

Я все-таки не сдержался и заржал.

Ай да Корн, ай да сукин сын! Представляю себе каменную морду, с которой он, отложив отчет Йена и прочитав письмо от леди Муэры, принялся невозмутимо заполнять графы этого дурацкого приказа.

За мужество и героизм... нет, это ж надо! Пожалуй, давно я не видел столь изощренного издевательства, облеченного в красивые, насквозь официальные и правильные слова.

– Корн – козел, – с чувством согласился со мной Норриди, отшвырнув от себя папку с документами. – Так. Давай сюда письмо! И не вздумай проболтаться, за что нам вынесли эту треклятую благодарность!

Все еще посмеиваясь, я вернул бумаги и, проследив, как Йен со злостью запикивает их обратно в стол, понимающе хмыкнул.

Конечно. Если кто-то узнает, за какие именно заслуги сотрудникам западного УГС вынесли официальную благодарность, ребята превратятся в посмешище. О «лилии» через пару лет даже не вспомнят, а вот над тем, что Йена щедро наградили за сражение с канализационной трубой, будут насмехаться еще долго. И Корн, собака такая, прекрасно об этом знал. Хорошо хоть денег на сферы не пожадничал – это хоть как-то сглаживало впечатление от подставы. Но с чувством юмора у него, стоило признать, все было в полном порядке.

– Значит, у твоих следователей тоже появилось дополнительное оборудование? – хмыкнул я, когда Йен плюхнулся в кресло и забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Да. Только попроще. Доступа к ряду данных у них, естественно, нет, так что все, что находится под грифом «секретно», они могут получить лишь с моей персональной сферы и исключительно в моем присутствии. Разумеется, если эти данные будут доступны мне. Я же тоже не ко всему допущен.

Я неприлично присвистнул.

– Даже если и так, то все равно такой доступ – огромное подспорье в работе. А сколько времени сэкономится на ожидании ответов на запросы...

– Да, – все еще недовольно буркнул Норриди. – Оборудование совсем новое, я бы даже сказал экспериментальное, потому что в столице мы – первый участок, куда его поставили в таком количестве. Из Управления прислали магов, чтобы все подключили и отладили. С моей сферой они закончили еще вчера, теперь на очереди Тори и Лиза. Думаю, уже к вечеру мы будем оснащены по последнему слову маготехники.

– Тогда тебе надо проявить больше уважения к благородному порыву леди Муэры. Если бы не она, ты бы еще лет десять ждал ответа на свою заявку, и еще неизвестно, в какой степени ее бы удовлетворили.

Йен тяжело вздохнул.

– Да я все понимаю. Но Корн умудрился сделать это так, что я до сих пор чувствую себя оплеванным.

– По-моему, ты уделяешь слишком много внимания мелочам, – убежденно произнес я, краем глаза просматривая собственное досье. О семействе де Ленур там, хвала Фолу, не было ни слова, а в графе «родители» значилось лишь одно имя – «Этор Рэйш». – На твоем месте я бы запихнул письмо от леди Муэры поглубже в стол. Вместе с благодарностью. И воспользовался любезностью Корна, предварительно усилив меры безопасности в Управлении.

– Я как раз хотел тебя об этом попросить...

– Не вопрос, – кивнул я. – Только пусть ребята закончат с установкой, а потом я поколдую над защитой. Если, конечно, у нас не появится какое-нибудь срочное

дело. Как, кстати, движется расследование по пропавшим светлым?

Норриди с облегчением выдохнул.

– Насколько мне известно, пока без особых успехов. Я был вчера у Корна на совещании – он сказал, что, по версии следствия, племянник герцога покинул дом сам, предварительно отключив защиту в жилом крыле. Следов борьбы ни в спальне, ни в доме, ни рядом с ним, как и признаков присутствия посторонних, обнаружено не было. Родители утверждают, что конфликтов в семье, способных вынудить сына на побег, не случилось. Явных признаков того, что юный маг готовил уход из дома заранее, тоже обнаружить не удалось. Другие дети в Белом квартале не пропадали. Так что сыскари Корна предполагают, что кто-то воздействовал на молодого герцога с помощью магии разума. Заставил его отключить защиту и покинуть охраняемый дом, затем мальчишку схватили и все за собой прибрали. Да так тщательно, что люди из ГУССа сумели отследить ребенка лишь до соседней улицы, а потом его следы затерялись, и даже лучшие ищейки ГУССа не смогли на них встать.

– То же самое и с девушкой...

– Ты был там? – быстро переспросил Норриди.

Я кивнул.

– Картина идентична тому, что ты сейчас описал. Кроме, пожалуй, одной детали... и раз уж у тебя появилась возможность проверить мои догадки, не выходя из кабинета, то будь добр – запроси в архиве дела по пропажам светлых за ближайшие десять-пятнадцать лет и сравни цифры по южному и, скажем, западному участкам. Меня интересует периодичность исчезновений и места, где пропадали люди. А также обрати внимание, местными они были или нет. Еще я хочу получить сводки по всем смертям, признанным сыскарями или целителями естественными. Скажем, по безнадежно больным, старикам... быть может, имеет смысл покопаться в делах по самоубийствам...

– За тот же период? – деловито осведомился Йен, демонстративным жестом разминая пальцы.

– Если получится, то больше.

– А насильственные смерти из поиска исключаем? – на всякий случай уточнил он. – Пропажи детей отдельно смотреть?

– Нет, – после недолгого раздумья решил я. – Дети обычно привлекают много внимания, а тем, кого я ищу, это совсем не нужно.

После чего Йен кивнул и так же деловито добавил:

– Хорошо. Сегодня пороюсь сам, а завтра подключу Брила и остальных. Заодно протестируем новую систему и узнаем границы ее возможностей.

Я поднялся.

– Если что, до обеда я буду прогуливаться по южному кварталу. Домой планирую вернуться поздно.

– А после обеда тебя надо будет искать в районе «Щипаного гуся»? – с понимающим хмыканьем уточнил Йен.

– Не обязательно. Но на крайний случай возьми вот это... – На стол шефа легла зачарованная медная монетка. – Если срочно понадобится, сожми ее в руке – метка на монете активирует поводок. По нему я найду тебя везде.

Норриди довольно хмыкнул и убрал артефакт в карман. А когда я потянулся за одеждой, он все же не удержался и спросил:

– Арт, почему ты не просишь меня искать пропавших темных магов? Думаешь, никто из ваших не мог исчезнуть по той же причине, что Роберт Искадо или леди Мелани Крит?

Я нахлобучил шляпу.

– Просто ты говорил насчет магии разума. А на таких, как я, в реальном мире она практически не действует.

* * *

Остановившись под мертвой вампирской сетью, я запрокинул голову и прищурился, пытаюсь отыскать ее самостоятельно. Но нет. Пока паутина висела без движения, я даже с помощью линз ее не видел. Вот уж и правда – идеальная ловушка. Жаль, что она не работает.

– Мелочь? – негромко позвал я, поднимая руку, и ничуть не удивился, когда через мгновение воздух перед моим лицом задрожал, а затем со стены ближайшего дома на подставленную ладонь спрыгнула сбросившая невидимость кукла. Еще через миг по гладкому доспеху процокали костяшки, и Мелочь переместилась на правое плечо, откуда вскоре послышалось удовлетворенное:

– Хсь!

Несмотря на то что вчера я накормил это чудовище Тьмой, кукла осталась такой же, как раньше, – маленькой, растрепанной и не умеющей выговаривать полные слова. Однако ее эмоции заметно изменились. И если накануне в них превалировали грусть и разочарование, то сейчас Мелочь ощущала прилив сил. И была переполнена странным нетерпением, от которого буквально приплясывала на месте, не рискуя лишний раз тревожить поводок.

– Ну давай, показывай, что ты нашла, – усмехнулся я, без труда считав нехитрые чувства духа-служителя. – Ты ведь нашла, а?

Мелочь обрадованно пискнула и, слетев обратно на землю, принялась бегать под паутиной и время от времени высоко подпрыгивать, одновременно воздевая к небу верхнюю пару лапок.

– Вниз так вниз, – покладисто кивнул я, окутываясь дополнительными слоями брони, а затем медленно погрузился на нижний слой.

Холод оттуда, разумеется, никуда не делся, но стал вполне терпимым. А вот вампирская сеть теперь выглядела настоящей, потому что на такой глубине на ней, как и на моем доспехе, образовался густой слой инея, и мне уже не требовалось прилагать усилия, чтобы ее увидеть.

Правда, насчет того, получится ли у меня до нее дотронуться, я поначалу сомневался. Однако Тьма не подвела и по первому требованию вложила в мою ладонь древко безотказной секиры. Первое же касание лезвия отозвалось в тишине хрустальным звоном, а затем обледеневшая паутина дрогнула, растрескалась и осыпалась на землю миллионами сверкающих осколков.

Когда это произошло, я поднял голову и настороженно огляделся, благо призрачные стены домов не мешали обзору. Однако в округе до самого горизонта не виднелось ни гулей (если они здесь, конечно, водились), ни вездесущих крыс, ни более крупной нежити. А раздавшийся от падения льдинок шум был мгновенно поглощен гнетущей тишиной, которая на этом уровне Тьмы ощутимо давила на нервы.

Мелочь тем временем покрутилась вокруг разбитой сети и снова подпрыгнула, привлекая внимание. А когда я повернулся, отбежала на несколько шагов и подпрыгнула в третий раз. После этого мне ничего не оставалось, как последовать за куклой и попутно отметить, что в этом месте даже хруст снега был практически не слышен. Зато отсутствие стен и прекрасный обзор позволяли двигаться напрямик, прямо сквозь призрачные строения и такую же призрачную мебель.

Да, ориентироваться в таких условиях оказалось сложнее, потому что поставленных на верхнем уровне меток или иных следов присутствия магии, по которым можно было бы опознать призрачные здания, не осталось. Но я не зря столько времени потратил на изучение карты Алтира. Так что, когда Мелочь остановилась, я точно знал, что мы находимся на Тридцать второй улице южного участка. В том самом месте, где кукла вчера проявила беспокойство, а я так и не смог понять его причину.

Как выяснилось, именно здесь, между домами под номерами девять и десять, была натянута еще одна ловчая сеть. Не в пример больше, чем та, которую я только что разбил. С совершенно другим, невероятно сложным, но определенно целым плетением, да еще и покрытая таким же густым слоем инея. Однако если первая паутина была тусклой и мертвой, то эта сверкала и переливалась, словно усыпанная бриллиантами. А когда я подошел, свисающая до земли и на редкость густая бахрома заинтересованно качнулась в мою сторону, заставив Мелочь тихо угрожающе заворчать.

Каким именно образом сеть крепилась к домам, я, если честно, долго не мог понять. Для меня она выглядела так, словно кто-то, проходя по улице, просто подбросил ее в воздух и сеть сама по себе повисла на высоте двух человеческих ростов. Аккурат над очередной небольшой трещиной в насквозь промерзшей земле. Но потом я вспомнил, что паутина находится на границе миров, попеременно проявляясь то в одном, то в другом. Так что при желании вампир мог закрепить ловушку и слоем выше. Там, где увидеть ее не мог ни я, ни другой темный маг, ни даже жрец.

«И кто сказал, что вампиры – плохие охотники?» – мысленно проворчал я, до печенок проникнувшись талантом изобретательных тварей. Однако сеть пока трогать не стал. Только постарался изучить со всех сторон. А когда основательно подмерз, вместе с куклой вернулся на привычный для себя уровень.

– Мелочь, поблизости еще есть такие же штуки? – вполголоса спросил я, когда к суставам вернулась подвижность, а ледок на броне с тихим шипением испарился.

Кукла озадаченно промолчала.

– Сходи, поищи, – велел я. А когда она растворилась во Тьме, стряхнул с перчаток не успевшие отвалиться льдинки и снова отправился на постоянный двор, откуда недавно исчезла леди Мелани Крит.

Хотелось кое-что проверить.

«Щипаный гусь» на нижнем уровне выглядел абсолютно таким же, как и соседние здания, – полупрозрачные стены, такая же ненадежная крыша и едва угадываемая лестница на второй этаж, по которой я при всем желании не смог бы подняться. С другой стороны, раз не смог я, значит, и нежить туда не заберется, так что опасаться нападения стоило лишь на земле или...

Мой взгляд скользнул по виднеющейся неподалеку очередной трещине.

...Из таких вот естественных щелей, которые на хорошо просматриваемой территории следовало расценивать, в том числе, как естественные укрытия.

Кстати, местоположение трещин в точности соответствовало расположению луж на верхнем уровне, так что передо мной находились не просто провалы в земле, а входы в каверны. При желании я мог туда даже спуститься, благо размеры некоторых трещин позволяли, но мысль о том, что в этом месте большинство нежити обитает именно под землей, удержала от необдуманного поступка.

Еще я обнаружил, что на нижнем уровне магическая защита стала бесполезной. Мощные щиты, которые люди Корна установили вокруг комнаты леди Крит, не отреагировали, когда я слепил снежок и зашвырнул его в окно. Я смог свободно войти в дом прямо сквозь стену. Сумел беспрепятственно кинуть еще один снежок сквозь полупрозрачный пол – защита снова не сработала, я специально сходил это проверить. Жаль только, попасть в самую комнату у меня не получилось, потому что в призрачном доме и лестница на второй этаж оказалась совершенно бесполезной. Зато я смог убедиться, что люди с этого уровня совершенно не просматривались. Ни в обычном виде, ни в виде скелетов, ни в виде призраков. И даже светлый маг, за которым я, периодически выныривая наверх, проследовал до конца улицы, оказался с такой глубины недосягаемым.

С темными ситуация была аналогичной: пока маг оставался в реальном мире, для обитателя глубин он как бы и не существовал вовсе. Но как только маг переходил на темную сторону... даже если при этом он находился близко к поверхности... любой местный житель получал возможность рассмотреть его достаточно хорошо. Вплоть до черт лица, особенностей одежды и даже ауры.

Чтобы убедиться в этом, я метнулся обратно в Управление и отыскал увлеченно ковыряющегося в новенькой сфере Тори. Потом не утерпел и подбросил ему на стол записку с просьбой проверить работу защитных заклинаний. А когда исполнительный парень вошел во Тьму и принялся обходить нашу половину здания, я получил достаточно времени, чтобы подтвердить свои догадки, и был вынужден признать, что ношение платков на темной стороне все же имело некоторый смысл.

Кстати, аура у мальчишки оказалась на удивление широкой, плотной и густой, тогда как физическое тело выглядело размытым, словно я смотрел на него сквозь толщу воды. А вот меня Тори не заметил, хотя пару раз проходил так близко, что при желании мог дотронуться рукой. Наверное, если бы я при этом пошевелился, он бы увидел смазанную тень или дрожащее марево над потревоженным пространством. Но я еще не забыл умруна и то, как его обнаружила Хокк, поэтому не рискнул привлекать к себе внимание.

Собственно, я бы, наверное, еще долго развлекался таким образом, потому что освоение нижнего уровня открывало весьма заманчивые перспективы. Но, к сожалению, к тому времени успел снова продрогнуть до костей, поэтому дальнейшие эксперименты пришлось отложить. Заодно ко мне запоздало пришло понимание того факта, почему умруну пришлось занять тело темного мага – никто другой не смог бы продержаться на нижнем уровне дольше пары мгновений. По этой же причине тело ему пришлось сменить – если оно леденело на нижнем уровне так же, как мое, то наверняка должно было быстро разрушиться.

– Бсь! – расстроенно выдала сидящая на земле Мелочь, когда я вернулся на Тридцать четвертую улицу, на то самое место, откуда отправил ее на разведку. – Хсь уусь!

– Я не ушел, а отправился проверить важную гипотезу, – хмыкнул я, ощутив идущее по поводку негодование. – И я вернулся за тобой, видишь? Не бросил. Не забыл. Так что хватит бурчать. Докладывай, что нашла.

– Тсь, – помедлив пару мгновений, выдала Мелочь и трижды щелкнула костяшками. – Тысь, тысь!

– Три сети, говоришь? – неприятно удивился я. – Точно такие же? Живые?

– Дсь!

– Так. И далеко?

– Нсь!

– Тогда веди, – велел я, уже догадываясь, что домой теперь долго не вернусь. – Только давай по этому уровню, а то я еще до конца не оттаял.

Примерно к полудню, порядком замерзнув и устав как собака, я наконец явился домой и первым же делом устремился на кухню. Долгое пребывание на нижнем уровне не лучшим образом сказалось на моем самочувствии, однако после третьей смены блюд зверский голод поутих, зато усталость навалилась с удвоенной силой.

Как оказалось, даже при соблюдении мер безопасности на нижнем слое я истощался почти втрое быстрее, а восстанавливался гораздо дольше, чем обычно. И если бы не своевременный перерыв в расследованиях, вряд ли сумел бы оказать Йену посильную помощь в случае чего.

– Вам бы поспать, хозяин, – тихо посоветовал Нортидж, когда я наконец выбрался из-за стола и потрянул головой в попытке прогнать накатившую сонливость.

– Дсь! – неожиданно согласилась с дворецким Мелочь.

Я с подозрением оглядел собравшихся в столовой слуг, но на лицах призраков было написано лишь сочувствие. Причем настолько явное, что я даже порадовался отсутствию зеркал. И подумал, что, наверное, дела мои и впрямь плохи, если даже кукла сочла необходимым сделать замечание.

Пришлось использовать хронометр и почти на сутки завалиться спать во втором кабинете. А когда отмеренное мне время истекло, я снова мог связно мыслить и уже без опаски вернуться на нижний уровень. Однако, прежде чем туда сунуться, я все-таки расстелил на столе карту города и отметил все места, где мы с Мелочью обнаружили ловчие сети.

Как выяснилось, вампиры являлись не только осторожными тварями, но еще и неплохо ориентировались в сторонах света: три из четырех сетей располагались на восточной границе южного участка и шли с севера на юго-восток. А вот последняя, мертвая, находилась у северной границы. И если учесть, что именно с той стороны располагалась печально известная Фемза, то я ни на миг не усомнился, что знаю причину, по которой хозяин паутины предпочел перебраться в более спокойное место.

Безусловно, конкурировать с подвижным и агрессивным умруном неповоротливая тварь не могла. Большую часть жизни вампир проводил в

тщательно спрятанном логове, откуда наружу торчали лишь гибкие щупальца. Ими он вслепую сплетал свою паутину. Ими же разбрасывал ловчие сети. Но поскольку длина щупалец могла достигать десятков и даже сотен шагов, то поиски вампира являлись довольно хлопотным делом.

– Похоже, вам досталась очень древняя тварь, хозяин, – озабоченно произнес Нортидж, когда я закончил работать с картой. – Обычно ловчие сети располагаются вокруг логова вампира и находятся тем дальше, чем длиннее у него отростки. А здесь четкой дуги еще даже не видно.

– Это какой же размах щупалец должен быть, если сети охватывают сразу три квартала? – озадачился я. А потом провел на карте две гигантских окружности, которые охватывали южный, западный и восточный участки, а пересекались лишь по линии расположений паутин. – Видимо, придется нам еще немного погулять по Алтиру, Мелочь. Где найдем новые сети, в той стороне наверняка будет и логово.

– Но вам придется обойти больше половины города, хозяин...

– Да, это работа не на один день, – согласился я, а затем отправил Мелочь за шляпой и плащом. – Но другого варианта нет. Если, конечно, Йен не даст нам подсказку.

– А вы будете участвовать в расследовании по делу юного герцога, мастер Рэйш? – поинтересовался Нортидж, который, как всякий добросовестный слуга, регулярно выписывал на дом «Столичного вестника» и был в курсе последних новостей. – Я слышал, главное Управление бросило на поиски пропавшего мальчика свои лучшие силы.

Я покачал головой:

– Это – юрисдикция Нельсона Корна, и мне там нечего делать. А вот вампиры уже наша проблема. Пропустить древнюю тварь на подконтрольной территории было бы крайне неприятно, поэтому ее поиски мы начнем именно с западного участка.

– А если ее там не окажется?

– Значит, сообщим коллегам с восточного, южного и северного.

– Думаете, они сумеют отыскать вампира быстрее вас? – с сомнением переспросил призрак.

Я только улыбнулся. После чего забрал шляпу у вернувшейся Мелочи, протянул ей руку, а когда кукла запрыгнула на плечо, с усмешкой сказал:

– Может, и нет. Но у вампиров есть одна особенность – они живут и охотятся стаями. И если одна из них решила обосноваться в Алтире, то работы хватит на всех.

* * *

– Арт, ты был прав! – с ходу выпалил Йен, стоило мне только появиться у него в кабинете.

– Насчет чего? – озадачился я, придвигая к столу кресло для посетителей.

– Насчет всего. Я вчера весь день проторчал у сферы, пробивая твои запросы. Сперва проверил общую смертность в городе за последние двадцать пять лет. Затем запросил ее по всем участкам. Заодно вытащил данные по естественным смертям и самоубийствам. И вот какую штуку обнаружил. Если смотреть по столице в целом, то картина за эти годы вроде бы не поменялась: цифры по общей смертности из года в год колеблются совсем незначительно. Но если верить статистике, двадцать четыре года назад в южных кварталах Алтира стало происходить кое-что странное. Я проанализировал данные архива. – Йен вывел над сферой полупрозрачное окно и потыкал пальцами в появившиеся на нем циферки. – Смотрел сперва только некриминальные смерти: болезни, смерть от старости... так вот. Где-то с конца тысяча двести двадцать восьмого года количество естественных смертей на юге столицы начало увеличиваться. Сперва незначительно, на двадцать-тридцать случаев в год, через пару лет это было уже не плюс двадцать, а плюс все сорок пять смертей, еще через год почти шестьдесят... и так вплоть до сорок первого года, когда южные кварталы достигли небывалого пика по этому показателю, превысившего показатель восемнадцатого почти в три раза. Затем – обрыв. Тишина. Количество смертей без видимых причин снова вернулось к условной норме и до настоящего времени

остается более или менее стабильным.

Я подсел к столу и с интересом уставился на экран.

– Хочешь сказать, в последние двенадцать лет на этом участке тихо?

– Как в могиле.

– Так. А что насчет исчезновений?

– Не поверишь: меньше, чем в любых других районах города. За тот же срок на востоке, западе и на севере Алтира бесследно исчезло почти в два раза больше людей, чем на юге. А где-то к сороковому году цифры по районам практически выровнялись.

– По магам тоже?

– В том-то и дело: маги в те годы в южных кварталах вообще не исчезали. Их убивали, с ними происходили несчастные случаи, они умирали от старости... но исчезновений не было. Аж до сорок второго года, когда пропали сразу двое светлых. Еще через год – новое исчезновение. А через три года – сразу шестеро, после чего вновь наступило затишье. Вплоть до недавнего времени, когда пропала Мелани Крит.

Я недоверчиво прищурился, но цифры на экране выглядели более чем красноречиво.

– Ты дела по другим пропавшим посмотрел?

– Не успел еще, – с сожалением покачал головой Йен. – Только в самые последние заглянул и сразу тебе скажу – почти все пропавшие в том районе маги, как леди Крит, были приезжими.

Я нахмурился.

– Прошерсти-ка дела по другим исчезнувшим и выясни, не было ли у них в недавнем прошлом какой-нибудь драмы. Гибели родственников или детей,

разрыва с мужем или женой... может, кто-то из них был на то время серьезно болен или ранен?

Йен поднял на меня озадаченный взгляд.

– По последним исчезновениям точно ничего такого не было. Большинство пропавших были молодыми, здоровыми и не самыми слабыми магами. И почти все они явились в Алтир с целью подзаработать.

– Скверно. Что-нибудь еще интересное нашел?

– Да, – кивнул Норриди и, стукнув ногтем по сфере, вывел над ней второй экран. – Еще я посмотрел криминальные сводки по участкам за те же двадцать пять лет и обнаружил другую закономерность – в те годы, когда на юге Алтира участились естественные смерти, там же пошли на спад показатели по тяжким преступлениям.

Я непонимающе моргнул.

– Чего?

– Убийств, говорю, в эти годы стало почти в два раза меньше, – терпеливо повторил Норриди, а затем кивнул на сферу. – Вот статистика с двадцать третьего по пятидесятые годы. Более ранние цифры по тяжким, похоже, в базу еще не завели, но даже так видно, что они небольшие. А теперь сравни с северным участком.

Перед его лицом появился третий экран.

– Ого, – присвистнул я, глянув на цифры, но они и впрямь выглядели необычно. – Тут что, местные теневые воротилы передел имущества затеяли? Или кто-то пытался развязать гражданскую войну?

– Мне это тоже не понравилось, – буркнул Йен, и перед нами появилось еще два таких же экрана, сверху донизу испещренных цифрами, значками и совсем уж мелкими подписями. – Поэтому я поднял цифры и по своему участку тоже: последние полтора десятка лет тут просто взрыв преступлений. Изнасилования,

убийства, бытовуха... сам видишь: сейчас у нас творится Фол знает что, поэтому, видимо, и решили создать новое Управление. После этого я решил залезть в данные по восточным районам. Видишь?

Я опять присмотрелся к показателям.

– На протяжении того же времени все, как и у нас, а в последние полтора года вдруг резкий спад по тяжким.

– Даже по кражам, – тихо сказал Норриди. – И не только по ним. А посмотри, что творится со статистикой по естественным смертям... и сравни, что тут было десять лет назад. Как тебе разница?

– Получается, каждые двенадцать лет в одном из районов столицы идет необоснованный всплеск смертей среди стариков и безнадежно больных? – так же тихо переспросил я.

– И одновременно там же снижается количество убийств! Даже магпреступлений становится заметно меньше. И люди в этих районах почти перестают пропадать. Особенно маги!

– А потом все возвращается на круги своя...

– Думаешь, это цикл? – напряженно спросил Норриди, когда я откинулся на спинку кресла и в задумчивости уставился на мерцающие в воздухе экраны. – Сперва был юг, потом север, теперь восток... Арт, ты тоже видишь, что каждые двенадцать лет по районам города проходит какая-то странная волна? Люди мрут как мухи от, казалось бы, обычных причин, зато при этом меньше воруют, насилуют и убивают... ты говорил, все дело в умруне. Но, может, не только в нем? Может, мы чего-то не учли?

– Где сейчас самая хорошая статистика по магпреступлениям? – встрепнулся я.

– На восточном участке. Но естественные смерти пока в разумных пределах. Похоже, новый цикл начался совсем недавно.

– А как насчет исчезновений? Много народу пропало за последние пять лет в этом районе?

– Двое. Четыре и шесть лет назад. Из них двое магов.

– Насколько я помню, дом герцога Искадо расположен где-то на севере столицы...

– Да. А девушка пропала на юге.

– Не исключено, что кто-то пропадет и на твоём участке, – задумчиво обронил я. – И, скорее всего, это случится довольно скоро.

– С чего ты решил? – насторожился Норриди. – Арт, ты что-то выяснил? Я должен об этом знать?

Я окинул друга таким же задумчивым взглядом. Но решил, что нет смысла утаивать важные сведения, и, откинувшись в кресле, спросил:

– Что тебе известно о вампирах?

* * *

– Значит, ты считаешь, это из-за них? – нахмурился Йен, когда я закончил. – Полагаешь, твари могли иметь отношение к исчезновениям светлых в столице?

– При чем тут светлые? – удивился я. – Маги для нежити, конечно, ценная добыча, но к расследованию ГУССа это не относится. Я совсем не поэтому просил тебя порыться в архиве.

Норриди недоверчиво нахмурился:

– Тогда зачем? И почему ты считаешь, что вампиры здесь ни при чем?

Я наклонился над сферой, тыкнул пальцем сперва в один, а потом во второй экран. А когда вывел нужную информацию, повернулся к Йену:

– Мальчишка, если верить сыскарям из ГУССа, был абсолютно здоров, как физически, так и душевно. А это значит, что ни один вампир не смог бы за него зацепиться. И уж тем более не осмелился бы напасть на более опытного мага вроде леди Мелани Крит.

– Что-то я совсем перестал тебя понимать...

– Любой маг способен понять, когда к его ауре прицепляется что-то чужеродное, – терпеливо пояснил я, дав другу время прочитать выданную сферой информацию. – Тем более отследить, откуда пришло воздействие. Помимо прочего, светлые носят при себе защитные артефакты и кучу всякой другой магической дребедени, поэтому для вампира мои коллеги хоть и желанная, но абсолютно недосыгаемая добыча.

– Ну а если маг совсем молодой и неопытный?

– За одаренными детьми тщательно следят, особенно если это дети состоятельных родителей, – качнул головой я. – Их просто так не украдешь.

– Герцога же украли, – упрямо набычился Йен. – И никто не знает, кто и зачем. Ведь за него даже выкупа не потребовали!

– Да, с мальчишкой вышло непонятно, – был вынужден признать я. – И чисто теоретически я могу поверить, что родители соврали, а в семье герцога Искадо в действительности не все так ладно, как они говорят. Поэтому пацан... опять же теоретически... мог стать уязвимым для вампира. Но тут есть несколько «но». Во-первых, это дело ГУССа, а люди Корна никакой связи с нежитью до сих пор не усмотрели. Во-вторых, если бы в ауре юного герцога появились хоть малейшие признаки истощения, его бы сразу показали целителям. В-третьих, в их доме наверняка стоит отменная защита, которая не по зубам ни одной твари...

– Мальчик ушел оттуда сам, – напомнил Норриди.

– Это только предположение. Но даже если ты прав и пацан сбежал или же находился под действием какого-то заклинания, то кто тогда заглушил его метку? И куда делись магические отпечатки с улицы?

Йен озадаченно поскреб в затылке.

– Ну... сам он, скорее всего, не сумел бы этого сделать. И его друзьям-приятелям такое тоже не под силу. Но есть же, наверное, какие-то амулеты, специальные артефакты...

– Это уже другой вопрос, – кивнул я. – Наличие артефакта действительно могло бы объяснить отсутствие следов и подавленную метку мага. Вот только нежить, если помнишь, не умеет пользоваться артефактами.

– Пожалуй, ты прав, – неохотно признал мою правоту шеф.

– К тому же сеть, что я нашел возле постоянного двора, была мертвой, – счел нужным напомнить я. – Если в том районе когда-то и охотился вампир, то к моменту исчезновения леди Мелани Крит он оттуда ушел. Не забывай: вампиры не утаскивают своих жертв на темную сторону, а питаются ими на расстоянии. Человек при этом живет как обычно, спокойно выходит на улицу, общается с соседями... и медленно чахнет у всех на виду, пока у него не заканчиваются жизненные силы. Порой это длится несколько недель, а то и месяцев. И заканчивается тихой смертью во сне, которая всем кажется закономерной и ожидаемой. Цифры, которые ты мне дал, вполне укладываются в эту картину. За тем исключением, что я пока не понял, как они связаны со статистикой по магпреступлениям.

Йен огорченно вздохнул:

– Эх... получается, мальчишку и леди Крит похитили обычные бандиты, и нам вскоре надо ожидать или требований выкупа, или два новых трупа? А я так надеялся, что ты порадуешь меня интересной гипотезой!

Я ухмыльнулся:

– Чего нет, того нет, так что вернуть домой юного герцога и утереть нос Корну у тебя, скорее всего, не получится. Зато могу предложить поохотиться на целую стаю нежити, которая потихоньку сокращает население столицы.

– Опять нежить... и опять высшая. Что ей тут, медом намазано? – скривился Норриди. – Самый крупный город в стране с самым большим количеством темных магов, а я что ни день, то о новой твари узнаю!

– Ты что, забыл, о чем говорил Лойд?

– Да помню я все, – с досадой отозвался Йен. – Но все равно это ненормально, что такие, как ты, привлекают в города целые полчища тварей. Кстати, почему ты думаешь, что тут действует всего одна стая вампиров? Вон какой у нас разброс по естественным смертям – то один район, то другой... тебе не кажется, что это многовато?

– Напротив. Как раз это и свидетельствует в пользу одной-единственной группы нежити, которая годами умудрялась скрывать свое существование в переполненном магами городе.

– Поясни.

– Мы оба знаем, что до недавнего времени в столице обитал как минимум один моргул и несколько умрунов. В том, что здесь есть вампиры, мы теперь тоже в курсе. Источник питания у этих видов нежити один – люди. Но кто-то предпочитает их души, кому-то нужны сердца, а кто-то обожает лакомиться жизненными силами. Если бы охотничьи интересы этих тварей где-то пересекались, то вампиры, будучи самыми слабыми, ушли бы из столицы первыми. Этого, как мы видим, не произошло, – рассудил я. – Значит, высшие все же неплохо сосуществуют вместе. Однако от охотничьих угодий умруна вампиры тем не менее предпочли держаться подальше. Значит, конкуренция среди них все же присутствует. Возникает вопрос: как бы они себя повели, если бы рядом обосновалась другая стая, которая начала бы претендовать на тот же источник пищи, что и наши вампиры?

Йен пожал плечами:

– Ты сам говорил: нежить не умеет делиться.

– Верно. Поэтому, как и в случае с другими хищниками, у кормушки вскоре осталась бы более сильная и многочисленная стая. И постаралась бы взять под контроль как можно большую территорию. С учетом того, что щупальца у

вампиры могут достигать очень большой длины, думаю, не ошибусь, что такой территорией следует считать всю нашу большую и густо населенную столицу.

– Хорошо, допустим. Но ты говорил, что вампиры ведут малоподвижный образ жизни и крайне редко покидают логово. Почему же у нас тогда получился такой разброс цифр по участкам?

Я усмехнулся:

– Я не сказал, что они совсем его не покидают. А разброс произошел потому, что твари, скорее всего, время от времени меняют места для охоты. Сперва обрабатывают один район, затем, когда количество стариков и больных в нем сократится до минимума, перебираются в другой, потом в третий... и так – каждые двенадцать лет, чтобы не дать нам повод заподозрить, что со этими смертями что-то не так.

Йен одарил меня мрачным взглядом.

– Думаешь, у обычной нежити хватит на это мозгов?

– У обычной – нет. А вот высшая все еще очень плохо изучена. И в последние несколько столетий информации по ней практически не прибавилось. Насколько мне известно, живого вампира вообще никто не видел. По крайней мере, целиком. А по трупу нельзя достоверно судить о его повадках. Однако смена охотничьих угодий означает, что вампиры понимают не только то, что им нельзя привлекать к себе внимание, но и знают, как этого избежать. Это говорит об их разумности. А умный враг – это опасный враг, Йен. От таких надо избавляться в первую очередь.

Норриди помолчал.

– Если они такие умные, то как ты планируешь с ними справиться?

– На наше счастье, вампиры очень уязвимы. Они мало поддаются простому оружию, зато боятся огня и очень чувствительны к магии, поэтому-то и избегают встреч с одаренными. Все, что от нас требуется, это добраться до их логова и спалить. И именно этим я собираюсь заняться. Правда, есть одна проблема...

– Какая? – насторожился Норриди. – Ты же нашел их сети. Они должны быть связаны с логовом, иначе вампир не смог бы узнать, что у него появилась жертва.

– Ниточка должна быть, – медленно проговорил я. – Ты прав: когда бахрома прицепляется к ауре, сеть дает сигнал хозяину. Но никто не знает, как это происходит. По крайней мере, мне не удалось найти ни одного щупальца, которое вело бы к логову. Соответственно, отследить его расположение я не смог.

– Что? Совсем никаких следов? – не поверил Йен.

– Ни единого. Я облазил весь квартал, обыскал все подворотни, подвалы и закоулки. Но сети болтаются на границе миров, и ни в одном из них от паутины не отходит более или менее толстых отростков. Они все одинаковые. И все находятся на виду.

– А если их просто спалить?

Я покачал головой.

– Любое магическое воздействие наверняка воспринимается сетью как враждебное. Поэтому если мы коснемся бахромы оружием или попробуем направить на нее поисковое заклинание, то велика вероятность, что вампир просто оборвет с ней связь. А может, не только с ней, но и с остальными тремя, и тогда стая ляжет на дно. Причем, скорее всего, надолго.

Норриди взъерошил волосы пятерней.

– И что ты предлагаешь?

– Надо отыскать другие сети, – пожал плечами я. – И начать стоит с восточной части, где вскоре ожидается всплеск смертей среди пожилых и увечных. Какими бы длинными ни были щупальца у вампиров, они не бесконечны. И по расположению новых сетей мы сможем хотя бы приблизительно установить, где находится последнее логово.

– Но на это уйдут недели! Месяцы! Неужели нет другого способа выманить этих тварей?

– Вообще-то есть, – неожиданно усмехнулся я. – Но тебе это наверняка не понравится.

Глава 9

– Простите, мастер Рэйш, вы ЧТО хотите, чтобы я для вас сделала?! – ошарашенно переспросила Хелена Триш, которую я следующим утром выловил рядом с главным сыскным Управлением. Девчонка, судя по всему, направлялась на работу и, что было редкостью, была на улице одна, чем я и воспользовался. – У вас что, нет на участке штатного мага?!

– Тори не подходит мне по ряду параметров. А Лиз здесь не помощник. Мы, конечно, привлечем ее для работы, но мне понадобится толковый напарник на темной стороне.

– Но почему я?! Почему вы не обратились к господину Корну?!

Я хмыкнул.

– Твой шеф меня отчего-то невзлюбил, да так, что лишил доступа в центральный архив и, скорее всего, не даст в помощь даже самого захудалого мага. По крайней мере, пока не получит железных доказательств. Твою наставницу, я полагаю, просить бесполезно. А больше я никого в столице не знаю.

Триш прикусила губу и быстро огляделась, но в столь ранний час на улице еще никого не было. Только пожилой дворник возле соседнего дома лениво шваркал метлой по тротуару да где-то вдалеке спешил по своим делам одинокий прохожий.

– Вы уверены насчет вампира? – после недолгого молчания снова спросила девчонка. – У нас такой информации нет.

– У нас пока тоже лишь предположения. Но наличие ловчих сетей выглядит достаточно убедительным основанием для проверки, правда?

Триш недоверчиво прищурилась.

– Когда вы их обнаружили? И главное, как? Их ведь даже визуализаторы не определяют! Может, у вас на участке были подозрительные смерти, о которых не сообщали в ГУСС?

Я понимающе усмехнулся:

– Смертей пока не было. По крайней мере, в последние пару месяцев, если не считать гибели отца Кана, иначе твой шеф уже вверх дном перевернул бы весь район. А сети... скажем, так: буквально на днях я нашел нечто, очень на них похожее. Поэтому-то их и надо проверить.

Девушка ненадолго задумалась.

– Вы уже передали эту информацию в другие участки?

– Нет. У нас не хватает данных.

– А извещение в ГУСС отправили? Вы же знаете правила, мастер Рэйш, – при обнаружении любых признаков высшей нежити следует незамедлительно...

Я кивнул:

– Само собой, подробный рапорт появится на столе твоего шефа в самое ближайшее время. Но в мои обязанности входит лишь обнаружение и по возможности уничтожение нежити. А бумажками у нас по традиции занимается Йен.

– Кто? – едва заметно вздрогнула Триш.

– Йен Норриди, – невозмутимо повторил я. – Из Верля. Тощий такой педантичный зануда с большими печальными глазами... Помнишь его? Йена недавно перевели в столицу, и теперь он – начальник западного участка Управления алтирского

сыска. Ты разве не знала?

Триш откровенно растерялась.

– Я... нет, конечно. Откуда?!

– Ты же была неподалеку от дома, где убили отца Кана, – напомнил я. – Мне казалось, вы должны были увидеться.

– Нет, – тихо ответила девушка, отведя взгляд. – Я не заметила там вашего друга. Наверное, мы разминулись, когда ставили оцепление, а потом нас с Лорой отправили на темную сторону. Тогда же погиб Крис. И после этого мне уже было не до того.

Я мысленно присвистнул, только сейчас сообразив, почему Норриди в тот день был таким мрачным. И почему по-глупому торчал за углом вместо того, чтобы упереться рогом, нагло явиться пред строгие очи господина Корна и настоять на своем участии в расследовании.

Вот же болван.

– Так ты сможешь? – кашлянул я, когда молчание несколько затянулось. – Собственно, мне нужно лишь чтобы ты поприсутствовала на месте преступления и присмотрела за нашими магами, если что-то пойдет не так. Это не займет много времени. Обычная проверка, по итогам которой будем решать, надо ли извещать ГУСС о нашей находке. Никакого риска, никаких геройств. Просто ребята у нас молодые, неопытные. А ты, хоть и не закончила обучение, знаешь и умеешь намного больше. Да и в команде работаешь неплохо.

Триш снова огляделась.

– Я... не знаю, мастер Рэйш. Честное слово, я бы очень хотела помочь, но не думаю, что это хорошая идея. Лучше обратитесь к Нельсону Корну – так будет правильнее.

– Ладно, – отступился я, протягивая ей бумажку с адресом. – Если все-таки надумаешь, вечером приходи. Йен наверняка будет рад тебя увидеть.

После чего развернулся и ушел, оставив девчонку потерянно стоять посреди улицы. А когда завернул за угол, сразу нырнул на темную сторону и, свистнув Мелочь, отправился на восточный участок – нам предстояло много работы.

* * *

– Добрый вечер, мастер Рэйш, – уважительно наклонил голову Тори, когда я вышел из Тьмы и махнул ему, приглашая приблизиться. – Я получил записку и, как вы просили, пришел немного пораньше.

Я кивнул мальчишке и придирчиво оглядел его экипировку: теплая одежда, толстая кожаная куртка, под которой угадываются очертания таких же кожаных нагрудных пластин, сапоги на толстой подошве, перчатки, черный платок, прячущий от любопытных взоров нижнюю половину лица, и глубокий капюшон, скрывающий приметные волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Ривон – один из крупных городов на севере Алтории.

Купить: https://telnovel.com/ru/lisina_aleksandra/zhnec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)